

ЗАТЕРЯННЫЙ
АРХИПЕЛАГ:

ПРОСЬБА СИРЕН

ДАБЫ НАЙТИ СЕБЯ. ДАБЫ ПЛАМЯ НЕ ПОГАСЛО

Давид Хугин

**Затерянный Архипелаг:
Просьба Сирен**

«Автор»

2026

Хугин Д.

Затерянный Архипелаг: Просьба Сирен / Д. Хугин — «Автор»,
2026

Все знают древнегреческие мифы. Жаль только, что почти никто не знает, чем они были на самом деле. Что, если правда была переписана задолго до появления первых историков? Рождённый со способностью видеть истинную природу вещей во времена древней Греции, Орайон слишком поздно понял, что люди боятся правды. За это он потерял свободу, дом и будущее. Но судьба приводит его на архипелаг, где древние мифы оказываются историей, которую человечество просто успело забыть, а чудовища — народами. Там он узнаёт, что мир гораздо древнее, опаснее и сложнее, чем могли представить смертные, не вовлеченные в дела богов. В мире, где сама правда веками менялась по воле высших сил, даже способность отличать ложь от истины может оказаться недостаточной. И все же, Орайон был готов попробовать. Он и представить не мог, что поиски истины приведут его к самому важному открытию в его жизни. К самому себе.

© Хугин Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Непокорный Судьбе	5
Глава 2: 19 лет спустя	16
Глава 3: Сквозь шторм и невзгоды	26
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Давид Хугин

Затерянный Архипелаг: Просьба Сирен

Глава 1: Непокорный Судьбе

Резкий стук в дверь заставил женщину вскочить в поту, с трудом осмысливая через мутность в глазах фигуру, ворвавшуюся в комнату с громким стуком, но отчетливо осознавая резкий плач младенца, разнесшийся слева от нее. Чувствуя, как остатки недавнего сна увядают под светом свечей за окном и звуками, начавшими проникать сквозь все еще не проснувшийся разум, она обратила свой взгляд на дверь. В любой другой день ее первой мыслью было бы тут же попытаться успокоить свое дитя и взять его на руки, дать ему понять, что мать рядом. Но, когда руки уже потянулись к кровати рядом с ней, резкое осознание ударило по ней вместе с паникующим выражением лица мужчины на пороге ее спальни.

Она была в своих покоях, покоях куда нельзя было войти ни одному мужчине. И даже несмотря на любовь ее мужа он не нарушал вековых традиций, вместо этого призывая ее оставаться в их спальне. Традиции, чтимые веками. Но теперь он был здесь. Не с лицом раскаяния, не с сожалением, а с тем лицом которое она видела на нем лишь во время охоты и боев. Готовым убивать. Это напугало ее, ни разу не видевшую, чтобы тот направлял это выражение в ее сторону. Но последовавшие слова заставили ее ужас подняться лишь выше.

- Нападение! Бери его и беги! – Он сказал это с тревогой и читаемой дрожью в голосе. И она могла сказать, что он был напуган за их жизни. И все же, с присущей ему стойкостью, он противостоял неизвестной ей напасти. Она знала, что он отдаст все ради них, так же, как и знала это тогда, когда выбрала его своим избранником. Держа в одной из рук копье, он вернулся в сторону замкового холла, готовый встретить любого нападавшего и вглядываясь в темноту в поисках признака атаки. Это был его долг, его клятва богам, данная в день венчания, и желание сердца, продиктованное его любовью к ней. И смотря на него она видела все это.

Вывавшись из сна и видя признаки опасности перед собой даже если бы хоть частичка сна оставалась в ней, с этими словами, она исчезла, сменившись страхом и решимостью. Всплеск силы, вызванной страхом, помог ей подняться быстрее чем когда-либо ранее и ее руки тут же выхватили их под кровати корзину, устланную одеялами. Плач из кровати рядом с ней наполнял ее горем, но еще больше желанием выстоять и уберечь. Подойдя к нему, она нежно взяла его, пытаясь успокоить улюлюканьем, заверит что все не так плохо.

Почувствовав ее прикосновения и услышав нежный шепот, его плач на мгновение прекратился. Лишь тогда она поднялась и смогла на мгновение посмотреть в окно, сожалея о сделанном, когда поняла, что то, что в мутных глазах после пробуждения могло бы показаться пламенем свечи, было домами, пылающими в пожаре, и треском древесины, глушащим крики и звон битвы.

Неожиданно раздались быстрые шаги, а за ними резкий боевой клич сменившийся спустя всего пару мгновений криком боли. Обернувшись в страхе и переживаниях ее взгляд тут же зацепился за ее мужа. Она и не заметила, как выпустила вздох облегчения от осознания, что звуки муки не принадлежали ее супругу. Медленно она перевела взгляд немного в сторону, почувствовал ненависть лишь от осознания того что этот мужчина хотел сделать с ней, с ее любовью... с их наследником.

А нанизанный на его копье нападавший в страхе перед смертью смотрел прямо на причину его мучений, показывая в дверном проеме свое лицо и броню, в чем-то схожую с той что была на ее муже, но все же отличимую. Воин понимал, что проживает последние мгновения своей жизни. Копье, застрявшее в его легком и вызывая у него хрип и кровь изо рта было тому

доказательством, но прежде чем его глаза окончательно потеряли блеск его страх сменился торжеством и безумием, видимые у нее лишь у тех, кто навсегда потерял себя в жестокости.

- Д-да здравствует Арес! – Он кричал из последних сил, выпуская остатки жизни с глазами, вспыхнувшими алым, давая звуку его крика разноситься по всей территории их дома. Это было последней мстью тому, кто его убил, бесчестный поступок не воина, а головореза, готового числом завалить превосходящего в силе противника. И отвечая на его зов множество криков разнеслось, как и от ворот, так и от нескольких фигур на стенах, явно принадлежавших соратникам погибшего. Мертвец уже обратил на них внимание своих союзников.

Страх за жизнь своего дитя и крик от мужа, призывающего ее поторопиться не зацепились в ее сознании, но заставили ее выбежать, волнуясь лишь о том, чтобы спастись. Торопливые шаги за спиной лишь подгоняли ее, даже несмотря на то что она знала, что ближайшие принадлежали ее возлюбленному. Но вслушиваясь в даль она слышала эхо, отбивающееся от теней в ночи, понимая, что не пройдет много времени прежде чем к ним присоединятся звуки и других, пытающихся догнать их.

Она возносила молитву богам, хотя и знала, что в этом нет смысла. Они уже допустили это. Неизвестно как, почему именно на ее семью упал взор божеств, но она не сомневалась, что они стояли за этим. Она видела это, она ощущала в воздухе все нарастающее напряжение, когда выходила на прогулку со своей прислугой.

Она вспоминала разговор с сестрой с содроганием, болезненным пониманием того что та была права. И если она была уверена в этом то это значило что та уже мертва или стала пленницей с судьбой хуже смерти. Она проклинала тех, кто совершил это с ней, с содроганием осознавая, что те были всего в нескольких шагах от нее в некоторые моменты ее жизни.

Резкое появление фигуры с мечом за углом заставило ее вскрикнуть, забыв о всех мыслях, витавших до этого в ее голове и уставившись на клинок, уже несшийся в сторону ее головы. Отчаянно пытаясь сместиться чтобы телом скрыть свое дитя, она закрыла глаза, будучи готовой к боли, которой так и не наступило. Лишь скорость ее мужа смогла помочь ему выставить копьё достаточно быстро чтобы преградить клинку путь и спасти ее, вместо смерти подарив ей еще один шанс. Ее резкие движения с корзинкой ранее заставили громкий плач разнестись в неистовстве, разнося его эхо даже дальше, как маяк, который мог бы привести к ним неприятелей.

- БЕГИ!!! Я задержу их так долго как смогу! – Проведя выпад копьем вперед и провернув его давно заученным до совершенства движением, выбившим клинок из чужих рук, он сознательно выбросил его чтобы схватить кинжал из ножен и перерезать горло нападавшего. Но даже предсмертный хрип, казавшийся оглушительным, не мог перекрыть звуки приближения их преследователей.

Со слезами на глазах и чувствуя глубоко внутри себя, что скорее всего к концу этой ночи она будет с ним, женщина вновь побежала, еще сильнее боясь за жизнь того что было для нее дороже себя. Не прошло и минуты прежде чем она наконец выбралась во двор и прячась в тенях факелов и огней горящих домов стала пробираться к пляжу за их именем, зная там не одну сеть пещер где она могла бы попытаться спрятаться со своим дитём.

Чувство отчаяния в ней, несмотря на всю скорость с которой она бежала, в противовес, нарастало. Лишь одного взгляда назад хватало чтобы ее взору показались фигуры, прячущиеся в тенях. Она узнала их, еще больше уверившись в своих мыслях. Скрытые разведчики, избранные благодаря своим родословным и на протяжении веков служившие Гермесу... Воины, черпавшие силу из земли, послушники Геры, власть над которыми ей дала праматерь ее мужа, бога богов, Гея...

Она чувствовала, как уверенность в том, что она не переживет эту ночь нарастало в ней, ощущала зов, знакомый ей после каждого служения в храме Персефоны. Она бросила взгляд

на корзинку в своих руках, с горечью осозная, что не сможет видеть, как тот растёт, как он становится сыном своего отца и её гордостью.

Но отбросив все это она устремилась к ближайшему уступу, не волнуясь о следах, оставляемых ею на песке, или слезах, затуманивающих её взор.

Лишь когда она оказалась на краю она потянулась вниз, схватившись за лишь ей одной известные уступы, впервые делая это с дитём в её руках, но не заботясь о царапинах и синяках, полученных её руками.

Она благодарила милость богов о отливе, страшилась того что произойдет если добрая душа не найдет дитя её и её мужа вовремя. Она проклинала судьбу за то, что у неё нет лишнего времени чтобы добраться дальше, до пещер где она смогла бы спрятаться, затерявшись во всех ходах и надеясь на жизнь.

Но шаги раздавались все ближе. Крики и отблески огня доносились из-за преграды, скрывающей её от других, что не мешало им, идя по её следам, вскоре найти их. Она должна была торопиться. Пролезая в узкую щель, почти у самого основания пляжа, с трудом протаскивая с собой и корзинку, она в спешке отнесла её в самую глубину, спрятав за камнями где его не смогли бы найти сразу же даже если бы попали внутрь.

Она чувствовала тоску, горе, раздражающее её, когда в последний раз провела руками по лицу дитя. Когда эти нежнейшие прикосновения оставили на его лице кровь она проклинала свою слабость и богов, не боясь возмездия. Скоро лишь один бог будет для неё важен, и она встретится с ним на том свете, надеясь на то что тот проведет её в элейские поля.

- Я люблю тебя... - Голос её был хриплым, но она продолжала. – Мой малыш, моя волна. – Комок в горле прервал её и не сдержав слез та все же улыбнулась, продолжая. - Сын своего отца, его маленький копьеносец... - Её голос был тихим, не слышимым даже потусторонним существам, лишь ею и её сыном. Смотря в глаза своего ребенка, сверкающие серебряным отливом с примесью синевы она видела, как его плач успокаивается, как он смотрит в ответ, и она могла поклясться, несмотря на вырывающийся из неё влажный смешок, что тот видит её, действительно видит, каждую её черту, каждую эмоцию и саму её душу. И в тот момент, даже если бы она посмела подумать хоть на мгновение о том, чтобы струсить и надеяться на лучшее, она не смогла бы. Оставив последний, молчаливый поцелуй на его лбу, она встала, наконец разорвав зрительный контакт, шепча почти неслышно, но оглушительно в тишине пещеры.

- Надеюсь мы увидимся не скоро... Но я всегда буду с тобой. – Она говорила с горечью, явно разрывая себя изнутри, когда шла против своих чувств и действовала разумом, покидая его. Но это было необходимым. Она выбралась из пещеры и передвинув один из крупнейших камней рядом полностью заблокировала щель прежде чем, поняв, что свет факелов стал лишь ближе, побежать вперед, не стремясь больше никуда. Они её нашли. Они уже совсем скоро будут рядом. И тогда она увидит своего мужа, уже ждущего на том свете.

Она не смогла уйти далеко. С криками за ней последовала восторженная толпа, жаждущая убить последних членов её семьи. Ни ветки, ни шипы не могли остановить её в цели отвести их как можно дальше от её дитя. Каждый шаг был болью и вызвал лишь новые слезы, но она стремилась вперед.

Где-то в своём сознании она улавливала звуки свистящих снарядов, стрел, проносящихся мимо неё. Некоторые были достаточно близко чтобы оставить порезы на её руках и ногах. Но рано или поздно это бы произошло и, как и у убегающей дичи, её бег был прерван свистящим звуком, разорвавшим воздух прежде чем её нога, чуть ниже колена, вспыхнула болью, вызвав её крик.

Восторженный гомон и звуки поздравлений из-за спины, хвалящие попавшего, заставляли её чувствовать себя униженной, но несмотря на это она ждала, когда они подойдут ближе, когда их восторг сменится замешательством и гневом. Когда они заметят, что её ребенок не с ней. Она была владычицей этих земель, женой правителя и господина этих мест. Они могли

бы убить ее мужа и подстрелить ее. Но она не собиралась сдаваться так просто и наслаждалась возмущением и замешательством, когда это наконец дошло до них.

- Где он?! – Одна из фигур сказала это с гневом, выходя вперед с рычанием, срывающимся с его рта. И подобно этому рыку он выглядел как зверь, медведь, принявший облик человека и облачивший себя в его мех и сталь. Он вызывал дрожь и страх у собственных воинов, ожидая увидеть даже большее у низменной женщины, находящейся в его руках, в руках палача. Но подняв ее в воздух за волосы, он вызвал лишь новые крики боли, в то время как ее лицо оставалось стойким и величественным. Вместо ответа она с вызовом смотрела в лицо одного из тех, кто возглавлял вторжение на ее землю. Она не удивилась, когда из-за этого она получила удар. Как и боли, когда она приземлилась на уже простреленную ногу, переламывая древко стрелы, но оставляя зазубренный наконечник, разорвавший ее мышцы внутри. Ни разу не будучи поражённой таким она знала какую боль получит если даже попытается вытащить его и сколько крови это вызовет.

- Я спросил тебя где этот выродок, этот позор для человечества и богов?! Скажи мне где твой отпрыск или да поглотит тебя Тартар! – С каждым его криком он встряхивал ее, взявшись за края ее одеяния и смотря с вызовом попытаться противостоять ему.

Но встретив лишь свирепый взгляд он с яростью достал меч из ножен, направив его на нее и приставив к горлу.

- Я с радостью прикончу одну из твоего рода, женщина! Самую порочную из них если твое предательство богов в чем-то и показатель. Так что говори, женщина!

- Нет! – Ее крик, вызвавший бурю замешательства, полный силы и величия, застал всех врасплох, заставив посмотреть на нее тех, кто обыскивал окрестности в поисках возможной корзины с ребенком.

- Вам не найти моего сына! Ни Зевсу, ни его инфантильному сыну, которому ты служишь, не найти его! Лишь глаз Мойры смог бы узреть его судьбу и ни одна из них не вмешается в нее! – Ее глаза пылали ненавистью, когда каждое из слов вырывалось наружу, будто проклятья. Вызов и достоинство в ее голосе было всем что нужно чтобы вновь вывести мужчину из себя и отправить очередной удар в ее лицо, заставив ее на мгновение потерять сознание.

Но очнувшись от пульсирующей боли она лишь засмеялась, чувствуя странное спокойствие перед лицом смерти.

- И что же такого смешного ты нашла в своем положении, дитя народа океана, не просветишь ли нас, жалких существ? – Голос полный сарказма раздался рядом с ней, привлекая ее внимание. Подошедший с боку мужчина в черных одеждах был сдержаннее своего партнера, его черные волосы, с зелеными, словно змеиная чешуя, кончиками, развивались, а глаза, казалось, наслаждались ее способом вывести из себя воина Ареса. Но она лишь покачала головой. Она ощущала, как ножницы нависают над нитью, отмеряющей ее жизнь, но не волновалась, зная, что перед смертью она оставит последний подарок.

- Этот секрет тебе не узнать, одна из низменных теней Гермеса. Ты, тот кто посвятил себя обнаружению тайн, останешься в неведении до момента своей смерти. И лишь тогда, возможно, поймешь мой смех. – Она смотрела на него с усмешкой, не волнуясь от того что тот сжал лук в своих руках, явно тот которым она и была пронзена. – Но я сделаю это еще мучительнее для тебя рассказав это тому, кого ты считаешь неотёсанным варваром. – Она играла, играла с их разумом, то что она делала множество раз успокаивая подданных и разрешая конфликты, но теперь разжигая их.

Воин Ареса не мог, даже в своем гневе, избавиться от желания воспользоваться возможностью иметь что-то над слугой Гермеса. Заполненная гневом голова мужчины не смогла больше сдерживаться, и он с силой подтянул ее ближе. И внутри она ликовала над его ошибкой. Ошибка, воспользовавшись которой она выбросила руку вперед, вонзая древко стрелы глубоко в его глаз. К этому моменту она поняла, что чувство боли медленно уменьшалось, будто

бы она была где-то далеко, дальше чем что-либо что она могла бы ощутить. Не нужно было быть доктором, чтобы знать, что это признак потери крови. Но она не боялась. Ее переполняла радость, вызванная осознания другого. Она наслаждалась его криком, вызванным болью от ее возмездия за смерть ее мужа. Она знала, что тот мертв от рук тех, кого он привел за собой. Так же, как и знала о смертях всех тех, о ком они с ее любовью заботились, принося счастье и покой в их жизни. Лишь об одном она жалела – что этот удар не закончил его жизнь.

Но любое действие имеет цену и отблеск меча, поднятый в гневе и летящий к ней, был горек, но ожидаем. Она приняла его закрыв глаза, ощущая его приближение, слыша свист клинка, который закончил бы ее жизнь.

И там, в эту секунду, без единого взора на мир, она в последний раз улыбнулась, отпуская сознание глубоко в себя и видя перед собой фигуру своего мужа, ждущего ее перед спуском в царство Аида.

Щелк!

Тишина повисла над лесом, словно застывшим во времени с отчетливым звуком перерезанной нити. Далеко от этого леса, в пещере, скрытой от глаза большинства богов, в почти оглушительной тишине, этот звук был почти оглушительным. Небольшой обрубок, едва ли больше пары сантиметров, упал в глубины воды, над которым та до этого плелась, растворяясь в ней и исчезая. Но оставшаяся, как и многие другие, отдающая своим уникальным оттенком, медленно вплеталась в полотно судьбы и жизни. Три сестры стояли прямо на нем, на гладкой поверхности водоема, не видя ему ни конца, ни края, но ощущая, как это медленное падение ложиться на них грузом, более тяжелым чем многие другие.

Они с тоской смотрели на озеро перед собой, в глубинах которого отображалась сцена смерти женщины, достойной их уважения в том с какой гордостью она приняла свою судьбу.

В мягком свечении озера они видели, как в гневе мужчина вонзает вновь и вновь клинок в уже мертвое тело, смотрели на него с отвращением, жалея, что эта стрела не должна была окончить его судьбу, а лишь оставить кровоточащий глаз. Они не хотели запоминать эту женщину как изуродованный труп, вместо этого они видели легкую, умиротворенную улыбку человека не боявшегося смерти, так и не исчезнувшую с отсечённой головы.

- Это... Неужели ничего нельзя было сделать? – Клото помнила, как впервые соткала нить, обозначающую ее жизнь, уже тогда чувствуя, что та будет особенной, в своей особенной манере. Далеко не каждая нить была такой. Она и сейчас видела, как веретено, часть ее и ее сила, ткало десятки и сотни нитей, извивающихся в бесконечном узоре, кружащим вокруг них. Она вспоминал ту крепость и плотность нити, ее мягкость и твердость, даже если это казалось противоречивым. Думая о ней, она понимала, что жизнь женщины оказалась именно такой, что не заставило ее почувствовать себя лучше.

Лахесис лишь покачала головой, ненавидя свою роль в плетениях судьбы, но зная, что та определяет жребий и лишь самой судьбе, единственному что стоит ниже хаоса, но выше всего остального, решать, когда кто должен уйти. Она могла лишь смириться с этим, зная чужой срок с того момента как коснется нити.

Атрапос же могла лишь с горечью посмотреть на ножницы в своих руках, с грустью осознавая, что вскоре она должна будет перерезать еще одну нить, потерю которой они будут оплакивать и надеяться на то что та обретет счастье в следующей жизни.

- Судьба плетет свои пути, неизвестные нам и не менее опасные, как и благословенные... К сожалению, так же как судьба определяет наши жизни - наши поступки определяют судьбы тех, кто будет после нас... Увиденное сегодня стало лишь финалом всей той тьмы, которая была совершенна.

Неожиданный теплый голос позади них, с таившейся грустью даже в нем, заставил каждую из сестер вздрогнуть и посмотреть назад, увидев их мать, Ананку, ту кому ведома каждая судьба.

Они не могли отвести взгляда от того как та проводила рукой по особо короткой нити, ощущая ее горечь. Но понимание того что это должно было произойти, как и что-либо другое что произошло или произойдет, заставляло часть той боли, крохотную часть, утихнуть. Их мать, к сожалению, не могла знать все, лишь то что минуло и минет в ближайшем будущем. Она надеялась, что великие свершения и удача изменят судьбу... Но этого не произошло. Каждая жизнь, вплетённая в гобелен судьбы, была в ее памяти и каждая новая нить, которая должна была стать его частью тоже.

Никто из них не увидел, как картина в озере изменилась, сменившись ребенком, тихо хнычущим в бессилии, голоде и, казалось, горе. Они знали, что он не мог еще понять, что такое смерть, что свершила его мать чтобы спасти его, но они ощущали его печаль. Где-то глубоко он осознавал, что сегодня потерял тех, кто дарил ему кров, его плоть и кровь, и, даже будучи дитем, он горевал.

-... Как долго нам наблюдать за этим? – Клото не могла избавиться от слезы, стекающей по ее лицу, все еще помня какой короткой получилась его нить. Она была особенной. Она помнила, как, несмотря на свой талант, она потратила множество часов чтобы сплести ее, прочную и долговечную... но такую короткую. Даже не обрезая ее они могли знать, что он умрет рано... Никто не желал, чтобы это произошло с ним, но не они были теми, кто могли это предотвратить.

- Лишь до прилива... Он не умрет от солдат, его мать позаботилась о том, чтобы он избежал этой судьбы... Как и смерти от голода из-за того, что его не найдут... Нет, с первым приливом его пещеру медленно затопит, прежде чем... Прежде чем он умрет, еще до того, как утонет, замерзнув до самых костей.

Ножницы в руках Атрапос задрожали, когда она и сама осознала это. Каждая смерть для них была сложной. Они не могли быть предвзяты, давать кому-то больше времени или нет. Как часто они желали кому-то смерти? Это число на порядок ниже того, которое обозначало бы сколько раз они желали, чтобы кто-то выжил... Но в конце концов лишь судьбе подвластны эти пути. Три сестры не обладали властью над судьбой, они были ее хранителями, хранителями того порядка, который когда-то возник из хаоса. Порядка, называемого последовательностью, причинно-следственной связью. Они знали, когда придёт новая жизнь, какова будет она и когда ей суждено умереть чтобы влиться в гобелен истории, изображающий все самые важные моменты существования мира, знакомого им.

И несмотря на свое бессилие перед судьбой и ее путями в одном они были уверены. Ни одно существо не должно отправляться в следующее путешествие одно. И потому каждая такая смерть достойна их внимания. Время в этом месте могло замереть чтобы они сконцентрировались на одной единственной жизни, оставаясь с ней даже если та не знала об этом.

Они следили за тем как его плач затихал, хотя горечь не исчезала, как в попытках найти хоть кого-то кто мог бы ему помочь тот поднялся и сел в своей «кроватьке», осматривая крошечную тьму. Они могли ощущать звуки снаружи, слышать, как ведутся поиски, как люди стараются обнаружить его: наследника разрушенного королевства.

Но он не издал и звука, как будто что-то в последнем взгляде его матери, запечатавшемся в его сознании, предостерегало сделать это. Он будет помнить это, эти сапфировые глаза, сверкающие от слез, но полные любви.

И Мойры видели, как он продолжал сидеть, не осознавая того что такое смерть и даже не зная, что скоро та его настигнет. Они видели, как сквозь щели камня пробиваются первые лучи восходящего солнца, как вода проникает глубже, с каждой минутой приближаясь все ближе к

мальчику. С удивлением и горечью они могли осознать, что в неподвижной пещере естественное любопытство ребенка зацепилось за что-то что движется, не осознавая его опасность.

Когда первая волна коснулась края корзины он восторженно улыбнулся, чувствуя небольшую прохладу, которая прошла сквозь прутья к нему. В восторге он потянулся сквозь края корзины в отчаянном желании коснуться его нового «друга», как, наверное, думала его детская натура. Он отчаянно тянулся к этой прохладе, не обращая внимание что чтобы дотянуться ему пришлось встать, в процессе поцарапав ладонь о грубое плетение, поломанное о края прохода, спешно преодолеваемого ее матерью. Все к чему он стремился это коснуться воды.

И, когда та уже почти дотягивалась до дальних краев корзины, ему это наконец удалось. Коснувшись краями пальцев чего-то неизвестного и прохладного он, к удивлению, не отпрянул, но восторженно улыбнулся, сверкая глазами в любопытстве и веселье, разрывая сердце наблюдающим Мойрам еще сильнее.

Но то что заставило их замереть, смотря на картину с замешательством, было то как вода повела себя, как только рука мальчика попыталась от нее оторваться. Вместо этого последовав по его ладони она омыла его рану, поднимаясь спиралью все выше, медленно окружая его и заставляя замереть в замешательстве, пока все больше его тела покрывалось жидкостью.

Она поднималась выше, проходя по его шее вверх, остановившись на мгновение на следах слез, капавших на него из глаз его матери, но пойдя дальше, медленно, пока не дошла до его лба, казалось наконец найдя то что они искали: каплю крови, упавшую с разодранной от спешки ладони.

С резким свечением вся вода вспыхнула оттенком, в котором дитя узнала цвет ее глаз. Пещера, словно погруженная в само понятие волшебства, заиграла совсем другими красками. Из серой тюрьмы она преобразилась в отдельное царство, в уголок мира, окруженный самой магией.

Прежде чем ребенок до конца даже смог осознать это, свечение медленно изменилось, приняв новый оттенок, оттенок слияния темной зелени и сапфировой синевы - интенсивный оттенок прибрежной бирюзы. И с каждой секундой как это происходило Мойры все больше замирали, смотря как неожиданно короткая нить засверкала, меняясь и отдаваясь тем же свечением.

- М-мать, что происходит? – Клото смотрела на то что раньше было ее работой в замешательстве, прекрасно зная, что этого не должно было произойти, но увидев взгляд матери видела лишь то же самое замешательство.

В следующее мгновение они все содрогнулись из-за толчков, прошедших из центра их озера. Свет лился из него, разрастаясь одновременно с тем как колыхало поверхность воды. Бирюзовые оттенки всего спектра осветили пространство, достигнув даже самых темных уголков их пещеры: Уголков забытой истории, затерянной в веках. Все это осветилось тем же светом, яркой бирюзой, начинающейся далеко, там, где начинается история. И свет, словно поток, распространился дальше, светясь интенсивнее и мягче, сквозь века и тысячелетия.

Мойры и Ананка замерли, ошеломленно смотря на это, на событие, прецедентом которого они стали. Событие, не предсказанное судьбой, масштаб которого не мог не ошеломить их.

- Посмотрите на это! – Восторженный и немного испуганный голос второй из сестер привлек их внимание к плетению, к его концу, чей узор медленно менялся. Словно в настоящем шоу множество нитей стали перенимать свет, идущий потоком по нитям из начала веков. Меняясь на глазах, они окрашивались цветом, невиданным ими ранее, превращаясь из знакомой им природы во что-то и более величественное, и, к их замешательству, абсолютно незнакомое.

Гобелен был статичен. Его нити, с момента создания первой из них, уже тянулись дабы продолжать историю, изображая периоды в виде искусства, запечатлев битвы и королевства, начало и конец эпох. Но так было ранее и более не было таковым. Нити, судьбы людей, рисующих историю, под неизвестной им энергией больше не выстраивались в упорядоченные и знакомые им ряды. Вместо этого бирюза, текущая словно волна, расплетала недавние дополнения, заставляя нити витать.

Давно знакомые узоры изменялись и становились иными. Пробиваясь сквозь обычные оттенки серости все вокруг покрылось бирюзой. Наследуя тот же оттенок каждая из нитей стала меняться, некоторые становились длинней, а другие короче. Одни оставались крепкими и толстыми, другие истончались. Но что было единым для каждой из них была бирюза, остающаяся на них. Лишь когда одна из нитей, которую они совсем недавно думали, что не увидят еще долго, так же засветилась золотом и алым, приближаясь к судьбе ребенка из дальних концов полотна, достаточно далеких чтобы они не могли увидеть ее начало, они могли начать видеть во что это превратилось. Они могли лишь наблюдать как два цвета, настолько далеких и непохожих, переплетались, создавая множественные узлы, каждый из которых погружался в другой. Их цвета боролись друг с другом, небольшой золотистый отлив этой нити, контрастирующий с остальными, пытался уничтожить оттенки голубого, но вместо этого лишь смешиваясь, создавая клубок заключённой в золото более яркой бирюзы из которого вырывалась лишь одна нить. И зависнув этот клубок стал притягивать остальные судьбы. Некоторые лишь слегка заставляя изменить свое положение, другие же изменяя кардинально.

Но что было самым шокирующим для них это обилие нитей, не желавших оставаться на едином месте. Каждая из них имела тот небольшой отлив, выделяющий их от остальных: Это были нити перемен, судьбы жизней, величественнее остальных, принадлежащие существам и людям, которые должны были совершить великие дела и ими изменяя узор всего будущего гобелена. А вместе с тем и нити, которые ранее были обыденными, получившие не менее яркий оттенок бирюзы.

И теперь каждая из них кружилась вокруг клубка, в замысловатом танце, соединяясь и разделяясь вокруг бесчисленных узлов двух нитей. Перемещаясь по воздуху, в им одном известном узоре, они кружились вокруг него, все еще вплетённые в гобелен концами, но свободные в своих движениях далее. И от этих нитей, будто цепная реакция, каждая нить вокруг них так же слегка колыбалась, будто тянувшись к изменениям, то уступая, то возвращая их на место. Лишь в тот момент, когда все это приняло отдаленное ощущения порядка все прекратилось. Несмотря на остающееся бирюзовое сияние они могли ощущать, что судьба впала в стабильность, уравновесив изменения, которые продолжали быть сильно более нестабильными и неопределенными чем им было комфортно.

Они не могли отвести взгляд от их пещеры, так изменившейся теперь, в других цветах. Каждая из сестер поражалась краскам над их головами, не имея ни единого момента, когда их творение приобретало такое величие.

Лишь услышав легкий смешок, они вновь уставились в глубины озера, чувствуя, как надежда вновь расцветает вместе с замешательством, когда вода, словно подчиняющаяся чьим-то приказам, подняла корзину. Еще один рывок быстрых потоков отбросил когда-то закрывающий пещеру камень в сторону, открыв прямой путь к воде. И Мойры могли лишь наблюдать за тем как сама морская сила, словно заботливый родитель, подхватила корзину в свои объятия. Она не проникла внутрь. Даже малейшей капли не упало на ребенка, медленно засыпающего под звуки водных брызг и чувствуя легкий бриз. Он засыпал, даже не осознавая, что невиданная сила отправляет его «кровать» в странствие по морю, подальше от места, полного для него опасности.

- Как это возможно... - Еле слышимый шёпот, который даже так не смог скрыть радости, от Атрапос, заставил их всех обернуться к той, кто, скорее всего, была единственной кто мог бы ответить на этот вопрос.

Вместо этого Ананка нежно выхватила ножницы из ослабших пальцев своей дочери, проводя рукой по сверкающей нити и поднеся их к ней, стараясь сделать малейший разрез, но с удивлением наблюдая как на нем не осталось и царапины со звуком, подобным встрече металла с металлом.

Они ждали любой реакции: недоумения, осознания, гнева, всего что угодно. Но даже они не ожидали нежной улыбки, переросшей в гордый, хотя и изумленный смех.

- Ха-ха, кто бы мог подумать... Она, из всех богов, приложила к этому руку. Это должно было быть очевидным. Только они могли бы догадаться о таком использовании ее сил...

Ананка знала, что ее дочери в замешательстве. Даже она не могла быть до конца уверена в том, что было правдой, проклиная себя за то, что знала судьбу людей лишь с рождения, а некоторые, обладателями которых были боги, были размыты для нее. Но теперь, когда она осознавала, что именно произошло, она не могла не признать этой гениальности. Она с нежностью провела по одной из других бирюзовых линий с особо четким оттенком зелени, так и не получившей обрезание несмотря на то что та сама стала настолько тонкой, что лишь свечение позволяло ей ее увидеть. Она знала, что ничего не увидит, прикоснувшись к ней, но даже так не могла не улыбнуться, зная, что лишь такая как она смогла бы проверить такое.

- Н-но, матушка! Что это?! Изменения судьбы случаются так редко! А прямо перед смертью почти никогда! Он смог спастись благодаря крови, своей и его матери, но каков был шанс?! Сколько же удачи он должен иметь чтобы выжить! И что с этим?! – Указав на множество нитей, не думающих остановить свое движение, Лахехис смотрела на мать в страхе, боясь, что это безумие разрушит саму судьбу, одну из первобытных сил мира, силу предопределения и последствий. – Это беспорядок, неопределенность, несимметричность, это Х...!

Так и не закончив сказанное девушка с новым шоком и легким ужасом уставилась на узоры, переплетающиеся в воздухе. Это был Хаос. Не было никакого порядка, по которому двигались нити, не было правил, последовательности. Полная противоположность судьбе, последовательности которая редко нарушалась.

Ощущая, как это осознание подступает и к другим Ананка посмотрела на своих дочерей с нежностью, наблюдая за тем как медленно они начинали смотреть на все с благоговением, благодарностью, и все же с опаской, как и ко всему что касается Хаоса.

- Возможно ты этого не осознаешь, но ты была права сразу в двух вещах... - Нежный голос, раздавшийся от нее, заставил их вновь сконцентрировать все свое внимание на ней. – Я никогда не думала, что это возможно. Я знаю судьбу каждого, и все же лишь с рождения. Мне неизвестно что происходит с ними до этого... Но если я права, то тот, за кем мы наблюдали намного более необычен чем мы думали.

Нежно проводя рукой по сверкающей бирюзой нити, не волнуясь о том, чтобы достать выше, так как одного касания ей было достаточно чтобы узнать то что она хотела, она закрыла глаза, всматриваясь в увиденное.

- Этот ребенок еще более велик чем мы думали. Мы следили за ним из-за его матери и из-за времени, которое потребовалось чтобы соткать его нить... Но если я права, то он родился там, где не должен был... Он является тем, кем, как мы думали, быть не мог. И все же, он тот, кто может перевернуть все полотно судьбы раз и навсегда, затронув своей судьбой множество иных.

- Но откуда? Он ведь всего лишь младенец, как? – Атрапос смотрела на мать с желанием получить ответ на загадку, терзающую ее.

На это сама Ананка могла лишь нежно улыбнуться, с любовью смотря на свою дочь, слегка склоняя голову. –Моя любопытная. Я отвечу. – Она слегка прошла вперед, с любовью проводя по нити пока не приблизилась вплотную к клубку.

- Вот такая загадка: Получить ему эти силы помогла его истинная мать, пожертвовавшая возможность узнать своё дитя, иная мать, пожертвовавшая своей жизнью дабы спасти то что было ей дороже еще одного дня на земле... И их сестра, которая помогла им... толикой «удачи».

Упоминание этого слова заставило глаза каждой из них раскрыться еще шире. Тютхе. Имя богини, так тесно сопряженной сразу с двумя высшими силами: Судьбой и хаосом. Не способная правильно осознавать и управлять ею из-за природы ее силы и их противоречия она была олицетворением удачи и везения в своей природе, не только положительного, но и отрицательного их проявления.

Единственная богиня способная бессознательно изменять направления судьбы своим присутствием и действиями. И если то что они видели было результатом ее вмешательства, то они не могли не задуматься как это возможно.

Сила хаоса в ней была намного меньше судьбы, иначе тот бы полностью поглотил ее. Ей бы понадобилось намного больше того из чего произошло все, первозданного отсутствия порядка, чтобы повернуть такое. Но не имея к нему доступа как это было возможно? Лишь единая вещь в их мире все еще имела достаточный контакт с чем-то таким первобытным чтобы произвести этот эффект.

- Это ведь «Провидение Царя», не так ли?! Сила этого пророчества активировалась?! Но ведь та энергия исчезла усилиями Зевса! – Тот же замешательство, которое терзало и остальных слетело из самой быстрой из них, заставляя всех ждать ответа на вопрос Клото.

Но взгляд Ананки, не отрывающийся от нитей, исполняющих беспорядочный танец, заставлял их молчать, ожидая в почтении каким же будет ответ.

- Его судьба... Она хаотична. Непорядочна и потому изменчива. Пророчество не активировалось так как должно было... Но, похоже, на этот раз сила хаоса Тютхе была направлена нейтрально, что делает результаты еще более неочевидными. Я могу видеть лишь мгновения его судьбы, немногие моменты, которые останутся устойчивыми и чем ближе подходит момент противостояния, тем меньше мне ведомо. – Она замолчала на мгновение прежде чем продолжить.

- Сделав то что они сделали и задействовав в этом Тютхе они ставили надежду на малейший шанс. И это сработало. Хаос ее силы слился с неумолимым хаосом «Провидения», изменившись и сделав все неопределенным. Оно не будет гарантированным, лишь его действия определяют справиться ли он.

- Но я... Впечатлена. – С нежной улыбкой она погрузилась в свои воспоминания. Ананка помнила всех их, ту чья судьба была скрыта от нее из-за интриг других. Ту, чья судьба никогда не была одинаковой. И ту, чья судьба закончилась этой ночью. Она помнила и лелеяла их, как и многие другие жизни, ставшие ее любимцами

Открыв глаза, она медленно повернулась к своим дочерям, ждавшим ее слова.

- Мы будем ждать и наблюдать. Следить за тем что произойдет и как измениться полотно. Жизнь этого мальчика станет для нас тем что нам неизвестно. Мы не знаем ни его пути, ни времени его путешествия перед неминуемым путем в царство Аида. Но это будет трудно. С такой судьбой, полной неопределенности, он не сможет избежать опасностей. И потому... потому мы будем и далее плести нити для гобелена судьбы, узнав во что он сплетётся лишь в конце. Для тех, кто вечно что-то знает это звучит как хорошее отвлечение, не так ли?

Медленное, хоть и неуверенное согласие заставило ее улыбнуться, и она медленно вновь развернулась, прежде чем посмотреть в то же озеро, показывающее все еще плывущее дитя, через корзину которой не просачивалось и капли воды.

Она видела легкую царапину на его руке, уже не кровоточащую, но принявшую отчетливую форму вздымающейся волны. Она видела его волосы, непослушной копной спускающиеся на его глаза.

И на мгновение, как будто зная, что за ним наблюдают, он открыл глаза, встретившись с ней взглядом и тогда она увидела их: Серые глаза, в глубинах которых была заключена интенсивная, почти подавляющая бирюза.

Тот же самый оттенок, ранее осветивший волну, ныне ставшую его спутником. Пока слишком сильный для его тела, но, похоже, являющийся следствием того большого и крайне маловероятного плана, который провернули три отважные и отчаянные души.

- Я буду наблюдать за тобой... непокорный судьбе.

Мальчик ничего ей не ответил. Вместо этого волны вновь погрузили его в сон своим медленным покачиванием, неся его на течениях к ближайшей земле пока картина в озере перед ней медленно не расплылась, заменяясь очередным человеком, не получившим тот же шанс избежать неминуемого.

Глава 2: 19 лет спустя

На землях разрозненных территорий, где власть получают и теряют в результате войн, набегов и заговоров, ближе к югу, на крупнейшем острове великого моря, можно было услышать звуки волн, ударяющихся о причал и заставляя очнуться от сна тех, кто имел дома недалеко от воды. Конечно же это не было единственным звуком в это время утра, что и свойственно любому портовому городу.

Рыбаки собирали сети и подготавливали свои лодки к ловле, торговцы открывали лавки, а некоторые команды торговых кораблей подготавливались к путешествию, кто домой, а кто в новые земли с необычными и экзотическими товарами. Те, кто долго жил в этом городке не могли сказать, что этот день хоть на мгновение отличался от многих предыдущих. Это была рутина жителей Крита, земли, благословенной богами, в частности главным богом, Зевсом.

Но первым звуком, пробудившим самого Орайона не был ни один из вышеперечисленных. Вместо этого в его сознание врезался скрип вставляемого в дверь замка. Резкий, как и всегда, сравнимый лишь с заставляющим поежиться скрежетом ржавых петель двери, к которой этот замок был прикреплен. К его счастью к такому он был привыкшим и быстро поднявшись на ноги он отступил в сторону стены. Только тогда он дал себе достаточно времени на то чтобы осознать окружение и себя, замечая и чувствуя боль ноющих мышц, что было заслугой твердого деревянного пола лишь отчасти.

Стоны вокруг него показали, что его... коллеги тоже начинают этап пробуждения со схожими проблемами и он позволил себе роскошь еще больше раствориться в общем хаосе поднимающихся тел, хотя и осознавая, что по звукам было как минимум несколько тех, кто все еще предпочитал сон на твердой древесине.

Он мог лишь покачать головой, зная, что те вскоре отучаться от того чтобы не реагировать на скрежет и звон ключей мгновенно. Но сейчас он мог лишь отойти к дальней стене комнаты, представляющей из себя захудалую и грязную каюту, слегка покачивающуюся на волнах.

К тому моменту как в замке раздался последний щелчок, что заняло достаточно времени с учетом двух, не слишком сотрудничающих, ржавых железяк, закрывающих их, он с трудом смог отогнать остатки сна, осознавая, к своему сожалению, что это могло быть только признаком его переутомления из-за ограниченного рациона того что он съел за последнее время. Он наострил уши, когда наконец прутья открылись и внутрь, судя по шагам, вошли несколько фигур, по дороге не стыдясь пинать нескольких из тех, кто слишком залежался.

- Подъем мерзавцы! Отплытие менее чем через час! – Он говорил с высокомерием, привычным для моряков. Особенно в отношении к тем, кого они считают своими инструментами. И с языком, достойным одного из бороздящих моря. Грубым и вульгарным, полным жаргона и собранных со всех углов света ругательств. Все это помогало им вызывать у некоторых чувство будто бы на их эго и гордость жестоко наступили. Те, кто был среди них не слишком долго из-за этого издали легкий скрежет зубов, но остальные лишь повиновались, слегка склонив голову. Вскоре по раздавшимся шагам он понял, что все направились к выходу.

Некоторые новички с интересом бросали на него взгляд, но он этого не видел, лишь с трудом замечая хоть какое-то внимание к своей персоне, словно шестое чувство, подсказывающее обращенный к нему взгляд. Вместо этого он вслушивался в окружающий мир, пытаясь заземлиться и оказаться уверенным что он действительно там же где и заснул. Он мог услышать звуки чаек, пролетающих над кораблем, и от этого невольно улыбнулся, даже если это продлилось не больше секунды.

Все это было для него явным подтверждением того, что он все еще был на корабле. Не то чтобы он верил, что это неожиданно изменится. Он вспомнил как они причалили здесь не

более чем 5 дней назад, запасаясь припасами после плавания и готовясь к новому. Довольно длительный перерыв от их унылой работы который он ценил, но, видимо, он закончен.

Но у его внимательного прислушивания была и другая, намного более важная цель, чем просто подтверждение своего местоположения. Он занимался своим любимым хобби: слушанием мира за пределами палубы.

Ему не было особо важно чтобы это было что-то определенное. Будь то шаги людей вокруг него или удары моря о корабль. Он прислушивался к раздававшимся сквозь балки звукам порта, узнавая некоторые из них, а неизвестные угадывал, пытаясь сопоставить со знаниями, известными ему. Звуки моряков небольших рыбацких судов, возвращающихся с ночной ловли, выкрики торговцев, привлекающих горожан к своему товару, разговоры рабочих и обычных жителей, пришедшие пораньше чтобы взять свежей рыбы. Он мог представить детей, играющих и смеющихся, пока их родители закупались. Он знал, что где-то там стоит храм, который решила бы навестить одна из семей, воздавая собственную жертву одному из божеств.

Почти идиллия была прервана болезненным щелчком в его плечах, вызванным ударом об одну из коробок с припасами. Быстро это вернуло его к реальности. В этой идиллии Орайон, потянувшийся и размявший мышцы, скрученные вокруг его костей в неприятные, а в местах даже болезненные узлы из-за сна на твердом полу, был чужим. Нет, безусловно, он так же был на этом причале, так же принадлежал к одной из команд, готовящихся к отплытию...

Единственным «но» был его статус, подкрепленный кандалами на ногах, со звоном, заглушающим остальные звуки, тянущиеся за ним. Статус, хорошо показывающий себя болезненной худобой и общим видом грязного оборванца.

Да, он был рабом на корабле. И не просто на корабле, а на Галере.

Жизнь на этом клочке земной суши будучи им было не самым легким занятием, хотя и заставляющим действительно напрячь мозги в поисках любых плюсов такого существования и мышцы в попытках выполнить еще одну, почти непомерную для человека с дарованным режимом питания, задачу.

Даже мысль об этом вызвала у него новые, легкие спазмы желудка, распространяющие боль и дискомфорт по всему телу оттуда. И все же, несмотря на это, он продолжал идти до тех пор, пока по коже не прошелся легкий ветерок, идущий сверху и немного левее. Приятный ветер из палубы, отличающийся от влажной и душасей атмосферы комнаты рабов без единого окна. Он хотел бы остановиться и насладиться им хотя бы на несколько мгновений дольше, но вместо этого он лишь спустился на еще один этаж ниже, сделав небольшой разворот и направившись вниз по лестнице ровными и почти идентичными по расстоянию шагами. Уже совсем скоро он занял свое место перед огромным веслом, игнорируя легкое тянущее чувство в желудке, явно вызываемое его голодом.

Такова и была его жизнь последние 10 лет. Полная пронизывающего голода, труда до потери сил и темной перспективы.

В прямом и переносном смысле.

- Эй, Уродец! Лови свой паек! – Повернувшись в сторону явно насмешливого голоса он тут же попытался вытянуть руку вперед, надеясь поймать что бы это ни было, но лишь ощутил, как хлеб ударился об его руку, медленно упав где-то под его ногами.

- Тц, что еще можно ожидать от калеки... - Звуча немного раздраженно и разочаровано мужчина, судя по шагам, вскоре поднялся обратно на верхнюю палубу, оставив его подобрать свою упавшую еду и провести одной из рук по своему лицу, легко ощущая множество бинтов, крепко обмотавших каждую часть головы выше носа и вплоть до линии роста волос. Если и этого не было достаточно, то все это было так же закреплено кожаными ремешками, закрывающими место, где были его глаза и удерживаемые там двумя замками с левой стороны его головы. Именно это было причиной того что его жизнь казалась даже более темной чем у других с его судьбой.

Без каламбуров. Хотя, ладно, с ними. Он не мог не посмеиваться с такой иронии в своей голове, находя забавным эту игру слов, хотя и желая вместо этой забавы просто... видеть.

- Знаешь, тебе стоило бы поторопиться. – Неожиданный хриплый звук, доносившийся шёпотом слева от него, привлек его внимание, заставив слегка повернуть голову в знак того что он слушает и убрать руку с лица. – Если не успеешь доесть они его просто отберут, нам и так дают немного... К тому же, от того что ты их трогаешь они вдруг неожиданно не спадут.

Сухая попытка пошутить о несостоятельности их жизни, как и сам голос, позволил ему узнать говорящего. Фокл. Мужчина, немного худощавый, и по его собственному описанию, за неимением возможности убедиться у Орайона, с сединой в черных волосах и с серыми глазами. Он был уже довольно давно с ним, почти 3 года. По всем признакам и разговорам, которые он мог слышать, все ожидали что тот умрет от утомления еще 2 года назад, когда ему исполниться 50. Его купили на эту галеру лишь из-за некоторых финансовых проблем команды в то время и того что их двоих вместе можно было купить по скидке. Так или иначе, этот мужчина был готов доказать всем что его зря недооценивают. Он держался на одном лишь упорстве и желании чтобы как можно больше членов команды, ставивших на его смерть, потеряли свои деньги. В итоге он все еще был жив и мог составить конкуренцию некоторым другим, даже более молодым парням. И все же, Орайон не мог, слыша его голос, не замечать, что в нем становится все меньше жизни последний год. Он жалел об этом, имея лишь его среди тех, кого он мог бы назвать друзьями, а не просто еще одним невезучим парнем, разделяющим с ним эту жалкую судьбу. Но также как Фокл не собирался говорить ему о том, что слабеет, Орайон не поднял бы этой темы без его желания.

- Я знаю... Просто еще одно напоминание немного выводит из себя. Если уж оставили нас почти без присмотра последние 5 дней, то пусть бы продолжали игнорировать, а не оскорбляли в первую же секунду! Как будто они не были теми, кто надел на меня это...

- Ну, ты должен признать, что не они первые это сделали. Когда я тебя встретил они уже были на тебе. А мы продавались сразу как пара: Чудак с дефектом зрения и старая развалюха. Вот это компания. – Легкое поддразнивание и сарказм от мужчины заставили его ухмыльнуться, и он быстро доел свою корку хлеба прежде чем покачать головой. И разве он не был прав? Действительно выгодная сделка. Два по цене одного.

- Поверь, я бы набросился на того кому первым пришла это идея если бы у меня была такая возможность, жаль я точно не знаю кому из трех человек пришла это «Дедалова» затея... Возможно, если бы у меня появилась бы такая возможность, я бы убил всех трех.

Он предпочитал не задумываться о своем прошлом, но этот разговор все же заставил его немного погрузиться в себя, скривившись от воспоминаний. У него было довольно хорошее начало. Любящие родители, которые, к небольшому разочарованию, предпочитали его младшего брата на несколько порядков сильнее его, обучение на торговца и неплохие перспективы не только повидать мир, но и с некоторой удачей прожить комфортную, зажиточную жизнь. Ничего подобного славе воина, которая могла бы радовать Ареса, или же величия и лидерства, любимых Зевсом. Он был умнее среднестатистического ребенка своего возраста, что, возможно, могло бы снискать расположения Афины, про которую тогда почти никто не знал, но спустя столько лет без возможности и дальше развивать ум он сомневался, что сможет стать достойным ее внимания. Он относил себя к дитю Артемиды и Аполлона.

Его обучение проходило хорошо, он узнавал о торговых путях, письменности и исчислении, об обычаях и верованиях народов за пределами Греции. И с каждым днем его счастье и вера в будущее все возрастали... Пока с ним не случилась жестокая шутка судьбы. В один день он был сыном своих родителей, в другой их товаром, с бинтами и кожей на лице и лишь с тьмой перед глазами, имея возможность лишь слышать, как на него делали ставки в аукционе.

Он помнил, как он трясся от страха, когда в абсолютной темноте лишь слышал новые ставки на его жизнь и свободу, а тот, кого он называл наставником принимал их, пока те, кто

привел его туда, стояли за кулисами, ожидая свою долю. Тот страх и беспомощность, почти сломившие его, вместе с единственным вопросом: Почему?

Лишь многие годы спустя, после многих пререканий с богами, оставившими его, и ночей с пролитыми слезами, когда он задавался вопросом чем он заслужил это, он понял, что было причиной этого поступка. И если они считали, что он простил их поняв, то они бы глубоко ошибались.

Он и сам не помнил, когда это началось, когда ему хватало одного взгляда чтобы обнаружить истинную природу вещей. Сначала это было лишь знания, которые он не должен был иметь, и все же они появлялись в его голове. Затем это способ видеть истину, что является правдивой природой вещей. Этот навык ценился торговцем, под чьим крылом он проходил наставление. Он часто использовал его для сделок и покупок, что принесло ему немало прибыли. Произведения искусств из далеких земель оказывались под его взглядом всего лишь обычными подделками, а незамысловатые украшения раскрывались настоящими жемчужинами, сделанными из золота и серебра, но спрятанными под слоем пыли и металлолома.

Лишь годы спустя он понял, что другие не видят так же. Он удивлялся почему его постоянно спрашивают, что является подделкой, а что нет. Это ведь было очевидно. Разве они не видели узоры, знакомые лишь жителям далеких земель, выделяющиеся из общей картины, или отблески клейма, подтверждающего подлинность? Его не волновало, что никогда до этого он не встречал подобных гравюр, не слышал о мастерах и их оттисках на своих творениях, и все же, легко мог увидеть их. Почему это ожерелье стоило состояние, когда это было лишь окрашенным в золото металлоломом, переплавленной бронзой с краской из кузни? Множество вопросов, на которые никто не мог ему дать ответа, даже если часто они меняли свое мнение о продукте после них.

На этом дело не остановилось и его способность продолжила расти. Он как наяву вспоминал неделю до его продажи, когда его взгляд упал на его родителей и он увидел их такими какие они есть. Их любовь, почти витающую вокруг того, кого он считал своим братом и почти полное отсутствие оной вокруг него. Жадность во взгляде торговца и его методы обмана людей, все это теперь оказалось перед ним как на блюдце, истинная природа, правда.

Это не распространялось на все. Он не мог узнать о человеке от рождения и до нынешнего момента, каждую деталь. Но он мог увидеть скрытые мотивы. Это было не только из-за его дара, но и из-за частого контакта, как он вскоре выяснил, не сумев сделать то же самое с незнакомцами на улице. Все что требовалось ему это взглянуть как движутся их губы и изнутри него поднималось понимание говорят ли они ложь. А затем он смотрел в их глаза и видел их истинную, не скрытую никакой маской душу.

И все же, он был ребенком, доверчивым, жаждущим любви дитем. Какой бы ни была правда он слишком поздно заметил, что больше никто не встречается с ним взглядом. Что они боялись, что через глаза он сможет увидеть то что они планируют... И их план сработал, к их обогащению и его страданиям.

Он испытывал к каждому из этой троицы огромное отвращение, лишь растущее с каждым днем мучений в качестве раба. Сначала это были плантации и мелкая работа, затем шахтером на рудниках где после лихорадки, которая подвела его близко к тому чтобы открыть свой путь к Аиду, его продали на галеры. Именно это и стало его рутиной в течении последних пяти лет, кочевание от одного корабля к другому, встречая лишь одно и то же: усталость, холод и боль. Ну, про голод и говорить нечего.

- Пусть Арес благословит тебя в этом. Но даже без него я считаю, что когда-нибудь ты это сделаешь. Если меня, старика, который провел большую половину своей жизни как раб из-за ошибки молодости, чему-то и научила эта жизнь, так это тому, кто, как и когда может получить освобождение. – Он говорил это достаточно бодро чтобы Орайон мог, хотя бы на единое мгновение, поверить в это. И несмотря на то что он был угрюмым, молчаливым и показывал своим

поведением что жизнь раба для него уже укоренившаяся натура, медленные толчки надежды, которые давал старик действительно помогали, так как с того момента как он его встретил он действительно, хоть и с трудом, стал верить, что и у него появиться возможность, рано или поздно, прожить жизнь не взаперти. Надежда, которую он потерял после своей лихорадки, к его некоторому стыду, но которую он отказался терять вновь. Чего бы это ни стоило.

- Нужна лишь толика удачи, да? – Он сказал это с легкой ухмылкой, заставившей его соседа улыбнуться. Он не видел этого, но слышал в том, как и с какой энергией он говорил это.

- Именно так! Ты, мой друг, стойкий парень, продержавшийся так долго и не будучи окончательно сломлен. Не каждый раб может отстоять свое внутреннее эго, не поддавшись самым глубоким частям Тартара в своей голове! Возможно, это поможет тебе увидеть перспективу и возможность. Ладно, может не увидеть, но как минимум осознать! – Закончив с дыханием в последнюю секунду прежде чем их время закончилось и им приказали взяться за весла, он слегка прокашлялся, что продолжалось добрых 10 секунд, звуча тревожно. К сожалению, Орайон даже не мог спросить чувствует ли он себя хорошо, прежде чем закончить диалог при криках моряков, не желая лишнего гнева надзирателей.

Орайон волновался за него. Не раз за свою работу он слышал такой кашель, признаки надвигающейся лихорадки. А учитывая новое путешествие и возраст мужчины, он не был уверен, что эта лихорадка не заберет его окончательно. Он не хотел даже думать об этом, вместо этого вспоминая все его слова.

Орайон, несмотря на то что слышал это уже множество раз, часто с интервалами не более недели между сеансами таких речей, все же не мог не поблагодарить старика за его веру в него, особенно в некоторые моменты, когда он не был настолько готов поверить в самого себя. Но также он был и удручен, не видя в ближайшей перспективе такой возможности. Слишком долго он плыл по волнам и слишком малое статистическое число тех, кто смог уйти из этой работы живым. Он мог лишь надеяться и продолжать толкать свой груз, в чем Фокл был прав.

Будто бы подчеркивая это вскоре раздался звук горна, и он и сам взялся за весло, в едином движении со всеми вклинивая его в воду и толкая корабль вперед. Звуки барабанов, отскакивающие от древесины палубы, создаваемые чтобы задавать им всем ритм, звенели в его ушах. Ведомый советом друга и имея лишь это чтобы занять себя он использовал свой обостренный слух чтобы слышать разговоры людей сверху. Посторонние шумы не позволяли слышать того, что происходит на верхней палубе, но та что была прямо над ними для него было открыто, и он собирал все свои знания о мире и его изменениях именно так, не имея возможности ни прочитать, ни спросить, не получив при этом наказания. Спасибо обострившемуся слуху.

С тех пор как он был заключен в рабство в этих водах происходило много ужасов. От монстров, иногда нападающих на корабли и сказания о которых передавались от спасшихся моряков, до пиратов, которые специально оставляли несколько живых чтобы молва о их зверствах пугала любых путников. Это не были единственные опасности моря, но одни из самых значительных, наравне с непостоянством погоды. Его жизнь на корабле и обычное его размещение, либо в портах, либо на волнах, сделало его информацией о океане, течениях и его обитателях самой обширной.

Земля же в свою очередь была еще более полна событий. Когда в одних местах царил мир и покой в других была разруха и войны. Новые нападки варваров Ареса, они же спартанцы, на ближайшие территории ради земель и рабов, сказания о плодородиях земель Деметры и ее бойцов, черпающих силу природы, райские сады Афродиты для любого, кто искал любви и удовольствий, морские дворцы Посейдона, пристанище торговцев, и, не менее важные, Афины, город, основанный и поклоняющийся новой богине под знаменами Зевса, названный в ее честь.

Множество войн и конфликтов обсуждалось за то время пока он переходил от корабля на корабль и каждую крупную информацию он хранил как зеницу ока, занимая себя анализом и

изучением всего что он мог из этого почерпнуть. Победа воинов Ареса над сильно превосходящими по численности врагами? Возможно вопрос местности, ранней подготовки и стратегии. Процветание городов? К чему они близко, почему они процветают, и какие торговцы проходят мимо них - все это могло нарисовать картину их успеха, вместе с их идеалами и верованиями. Новый храм Зевса в землях где ранее покровительствовали лишь Деметре? Странная война богов за влияние и количество последователей, или же лишь желание почтить того, кто давал блага. Монстр в северных морях? Задержки поставок и к чему это может привести.

Именно так он собирал клочки окружающего мира и того каков он. Все это было разбросано по его голове, часто валяясь небрежными кучами, между которыми лишь изредка можно было увидеть линию какой-либо связи. Но в стороне от них у него была более упорядоченная карта мира, с событиями и их последствиями, с возможными исходами и результатами. То, чем он гордился и то, что он собрал кропотливым трудом подслушивания каждого, от рабов, не так давно ставших ими, до прохожих в порту.

И сейчас, когда его руки ныли от того с какой силой он толкал древко весла, он вслушивался, надеясь наконец узнать пункт из назначения. Он слышал о том, что это может быть опасно, даже сейчас несколько разговоров было об этом. Он слышал тревогу в каждом из них, смешанную с предвкушением и какой-то ноткой, которую он распознал как жадность. Все это лишь сильнее подогревало его любопытство, но из-за желания команды провести большую часть времени в порту, на суше, он не смог узнать точного местоположения.

Сквозь посторонние шумы он слышал двух людей, узнав по голосу одного: Повар, Анух, некоренной грек из Крита, чей отец был Египтянином, готовящий и отвечающий за хранение еды на корабле. Он говорил с кем-то другим и судя по тому, что его голос был ему не слишком знаком, он был готов поставить что это либо новый член, взятый на замену того, кто был убит в последнем набеге на пиратов, или же кто-то из верхушки командования, разговоры которых можно было услышать редко из-за защиты от подслушивания в их покоях.

- Сир, я все еще считаю это самоубийством... Я не желаю ни принижать способностей нашего капитана, ни подвергать сомнению благословения Зевса и Посейдона для нашего плаванья, н-но! Эти земли действительно чудовищны. Крит – остров, отделенный от материка. Неужели мы обязаны плыть туда за сокровищами, добыча который может оказаться настоящим испытанием, граничащим со смертью, лишь чтобы получить больше силы для его защиты? Любому нападающему и так было бы не просто из-за географического расположения!

Повар был, казалось, напуган сильнее чем многие другие. Это не было странно, учитывая, что на этой галере, чаще всего занимающейся патрулированием вод и нападением на пиратов, он был единственным кто никогда не обучался военному ремеслу, за исключением рабов. Но то, как голос и манера человека, с которым говорил повар, изменились из-за его сомнений, превратившись в признаки явно заметной ярости, заставило Орайона напрячься и вслушаться. В следующее мгновение он услышал стук над ним и легко понял, что повара прижали к стене, возможно, даже угрожая мечом.

- А теперь слушай сюда. – Голос был явно мужским и угрожающим. - Я один из царских воинов Крита, отряда, подчиняющегося напрямую царю, чей род благословлен самим Зевсом. Твоему капитану был дан приказ: отправиться в воды Форкия и собрать все что может представлять из себя ценность... Ты либо член команды, либо прямо сейчас полетишь в воды. Эти парни, сидящие снизу, хорошо работают, так что мы уже достаточно далеко чтобы течения могли отнести тебя в любое место средиземного моря, ну, если только тебя не съедят до этого. – С каждым словом голос мужчины становился немного более восторженным, почти фанатичным в своей вере в истинность и неприкосновенность своего царя и в желании свершить свою угрозу.

- Н-но это ведь Затерянный Архипелаг! – Слава повара источали почти ощутимый страх, неизвестно перед кем больше, перед солдатом или перспективой оказаться в названном месте.

– Это место, покинутое богами, место, куда стекаются течения всего Великого моря! Обитель чудовищ и опасностей! Самая загадочная и малоизученная часть этих вод! Даже острова, населенные гигантами не сравнятся с этим, а мы знаем о них не более чем мифы, не смея вступить на них и не имея записей от тех, кто смог сделать это...

Орайон ловил каждое из этих слов, погружаясь в себя пока мышцы продолжали движение за движением, чувствуя, что узнает названное Анухом места. Когда же он наконец вспомнил, волна за волной его знаний об этом месте заставили его лицо исказиться во все большем неверии и страхе. Впервые за долгие годы сбившись с ритма гребли, он в ужасе вздохнул полный рот воздуха. Лишь когда он заметил, что его партнеры застонали от увеличенной нагрузки, он понял, что его оплошность заставила их взять больше веса на себя и быстро подстроился, надеясь, что оплошность никто не заметил.

- И мы доберемся до него целыми, присоединившись к другим посланцам Крита, ты, трусливый мешок бесполезного места! – Яростный тон заставил Орайона слегка вздрогнуть, по-новому ощутив силу мужчины через него. – Это не первая экспедиция и наши люди сумели построить аванпост, лагерь, безопасный для нас. Аванпост под командованием одного из потомков Зевса, человека царской крови. Ты не посмеешь противиться приказу царя и не подчиняться воинам его принца! – Его голос становился все яростнее, давая Орайону возможность услышать его отчетливо. На мгновение повисла тишина прежде чем он продолжил, сменив тон с яростного на угрожающе спокойный.

- Приказ был четок. Им нужны припасы. Если мы не прибудем это подвергнет их опасности. Так что скажи мне: Хочешь ли ты познакомиться с обителью пучин до того, как возможные штормы сделают это раньше? Или же хочешь, чтобы твоя нерешительность и сомнения посеяли смуту, результатом которой станет твоя смерть за попытку вмешаться в королевские поставки, что приведет к риску для жизни одного из наследников престола?

Последовало некоторое время молчания, после которых повар сказал что-то крайне тихим тоном, что, казалось, устроило солдата и он ушел за пределы его слышимости. Но Орайон, теперь, когда узнал это, не мог не чувствовать легкой паники, скорее всего сравнимой с той что была у повара. Отчаянно вслушиваясь в каждый новый разговор, надеясь найти хоть немного больше, он погрузился в себя, чувствуя лишь непреодолимое ощущение надвигающейся опасности. И кто мог его винить? От каждой крупинки информации вполне могла зависеть его жизнь.

Затерянный Архипелаг был историей, байкой моряков. Располагающийся в центре моря, соединяющего земли Греции, Арабии, Египта и далеких островных земель Европы, это был остров загадок.

Затерянный в себя все потоки мира он был неприступен. Несмотря на то что течения могли вас тянуть к нему, они всегда омывали это место, так и не достигая неизведанных клочков суши и утягивая моряков за собой, мешая пробраться в воды, которые окружали сами острова. Если же это вас не остановит, то смогут шторма и ветра, почти всегда закрывающие за собой вид островов. Эти 2 фактора стали причиной смерти множества мореплавателей, верящих и ищущих это место.

Никто точно не знал причину почему это место было спрятано от мира таким образом. Кто-то считал, что это земля где Кронос убил Урана, а сам остров является его трупом. Некоторые что это было место, проклятое Зевсом. Но большинство считали, что оно было просто пристанищем несметных сокровищ, еще не разграбленных человечеством, скрытым особо могущественным полубогом, богом или титаном, в зависимости от мифа. Факт того что все утонувшее скорее всего пришло бы туда по течениям лишь подтверждало для них эту теорию. Лишь немногим мореплавателями удавалось добраться до острова и еще меньшим вернуться оттуда чтобы поведать об этом. К сожалению, даже среди них половину клеймили сумасшедшими или лжецами.

Впервые он услышал об Архипелаге за несколько недель до того, как его перепродали на Галеры. Что удивительно, именно он стал причиной того что они это сделали. Один из мореплавателей, в надеждах нанять команду, которая помогла бы ему раздобыть несметные богатства, изучал, ценой риска для своей жизни, воды вокруг предполагаемого места его расположения. Прошло почти 9 лет прежде чем он осознал, что в том, как движутся течения и ветра есть закономерность и лишь дважды в год они успокаиваются достаточно чтобы можно было не рисковать опрокинуть свой корабль. Молнии и гром становились редкостью, волны не гарантировали разрушение корабля, а давали возможность под грамотным командованием преодолеть их, а холодные ветра вместо того чтобы разрывать паруса лишь пытались гнать корабли назад, дуя в противоположном направлении.

Никто не знал, как он вообще это заметил, так же, как и не знали, как он разработал метод обнаружения идеального времени и места чтобы провернуть это. Все лишь списали это на удачу, судьбу и благословения богов. К сожалению, даже всего этого не хватило чтобы сберечь ему жизнь. Того моряка, судя по слухам, убили наемники, которых он пытался нанять. А те, кто раздобыл его труды продали копию этой карты и инструкции почти каждому с золотом на землях Греции и Великого моря.

Это стало одержимостью. Богатые мира сего, собирающие экспедиции на тысячи золотых монет стали нормой. В поисках сокровищ и артефактов, затерянных там, шли на риск наемники, доблестные воины, дворянские войска и даже короли. И все же, для любой экспедиции нужны были люди, не только хорошая команда с опытными мореплавателями и воинами, готовыми встретиться с неизвестностью острова, но и расходный материал, те, которые могли двигать лодку, когда ветер дул в паруса, отбрасывая корабли, и те, которые первыми могли войти в леса чтобы в них встретить свою погибель и, возможно, предупредить в последний момент о том, кто именно был их убийцей.

Это стало золотой эрой для моряков и приговором каждому кто был лишен свободы. Цены на услуги профессионалов, знающих свое дело, будь то воины, исследователи, охотники или, в особенности, моряки, возросли. То же случилось и с ценой на рабов, способных стать пленниками галер. Его старый владелец воспользовался этой возможностью избавиться от слепца, только излечившегося после лихорадки, с пользой для себя. Он продал его в тот момент, когда цена была на пике и с тех пор он был привязан к кораблям и морям.

За время его службы он слышал и другие слухи об этом месте, вспыхивающие с новой силой, а затем забываемые в суете будней. И вместе со слухами он узнал, что в то время, в первый год лихорадки, Затерянный Архипелаг получил 2 из трех своих званий: «Земля Смерти» и «Берега Богатств». Архипелаг получал и другие эпитеты, и легенды о том, что там бродит, но лишь эти два и последний, «Обитель Силы», который он получил после того как с помощью одного из сокровищ довольно слабое королевств захватило превосходящее, прижились.

Теперь это не был просто поиск сокровищ, это было политикой, вопросом безопасности своих городов, способом нахождения оружия, которое было бы достаточно сильным чтобы быть сдерживающим фактором для тех, кто раздобыл схожие и клинком, висящим над теми, кто пока его не получил.

И Орайону совершенно не понравилось, что они теперь отправлялись туда. Это могло закончиться плохо множеством разных способов: Шторм, монстры, болезни, голод и даже убийство наемниками и солдатами иных стран. Количество обычных искателей сокровищ поубавилось, когда правители царств отправили свои войска, но они все еще были там, часто совершая набеги на этой территории, желая раздобыть богатства и понимая, что пока они достаточно скрытны, на этой нейтральной территории они неуязвимы для законов. И все же, они могли быть лишь малой помехой, между тем как настоящие правители вгрызались друг другу в глотки, обязательно отдавая приказ убить любого иностранного legionера при первой же возможности.

Сколько бы он не прокручивал это в голове он не находил выход. Это казалось почти смертельным приговором с малым, почти невидимым шансом сбежать и попытаться выжить там, где даже сильнейших воинов подстерегали руки, пытающиеся утянуть их в царство Аида.

Он не замечал, как его лицо все сильнее искажалось, руки дрожали, а ноги слегка постукивали, в нервном состоянии. Лишь когда кто-то положил руку ему на плечо он вздрогнул, к счастью, не привлекая к себе внимание надзирателей.

- Все плохо, да? – Фокл звучал обеспокоенно, его голос слегка дрожал, может от всех усилий с веслом, но Орайон сомневался. Он должен был догадаться что он сможет понять его реакцию и попытается узнать больше. Он отдышался, позволяя страху уйти подальше в себя, прежде чем прошептать почти неслышимым в общем шуме голосом.

- Затерянный Архипелаг. – Его изречение встретило лишь молчание, которое распространилось вокруг всех, кто мог это услышать. Он услышал не один вздох вокруг себя, как и несколько неритмичных всплесков воды.

- Не отлынивать, чертовы мерзавцы! – Резкий удар кнута сразу после выкрика, раздавшийся позади него, заставил Орайона напрячься, жалея того, по кому прошел удар, ведь именно он был этому причиной.

И все же, ему проходило лишь выслушать это и промолчать. Если бы он что-либо сказал, то лишь заработал бы побои и для себя. Вместо этого он 3 раза постучал по полу ногой, сделав перерыв между первым и вторым немного дольше, отдавая молчаливое извинение, разработанное рабами для общения. Один удар позади, вместе со стуком кулака по дереву весла было всем что ему нужно было чтобы знать, что его не винили, непроизвольно давая ему повод вновь погрузиться в размышления о том, что его ждет дальше.

Теперь он думал по-иному. Это не первый раз, когда работа, которую ему поручают, становится для него риском для жизни. Он должен был найти способ выбраться оттуда. Да, архипелаг был опасным местом, где риск того что он умрет был слишком высок. Но, прямо сейчас, множественные мысли и знания в его голове рисовали для него лишь одну картину... Возможно это был его шанс. Возможно, именно там он сможет найти тот единственный способ, с помощью которого он сможет сбросить свои кандалы.

С каждой мыслью, схожей с этой, что-то в нем менялось. Он ощущал такое лишь дважды. В первый раз, когда он почти сбежал от своего первого хозяина, к сожалению, будучи пойманным одной из его собак, и второй раз, когда он освободил клетки со зверями, запертыми для продажи. Оба эти события закончились для него обнаружением его причастности и болью. Он был почти уверен, что та безрассудность была выбита из него после этого... Но сейчас, сейчас он чувствовал знакомые нотки упрямства, желания попробовать и, возможно, надрать задницу паре солдат, даже если бы это закончилось еще одним избиением.

Неритмичный звук шагов человека, явно несущего что-то, вывел его из раздумий и вскоре, по знакомым шагам он понял, что наступило время и им принесли их пайки. Вскоре барабаны стали замедляться, люди опустили весла и все, хотя бы на мгновение, вздохнули с облегчением, радуясь, что скоро получат хоть и скудную, но пищу. Это была возможностью не только подкрепиться, но и поговорить. Он знал, что его друг вскоре сделает именно это и ждал.

- Ты уверен? Архипелаг? – Тон Фокла был на удивление абсолютно ровным, заставляя его на мгновение остановиться, сконцентрировав свое внимание на его вопросе.

И он не знал, что сказать. Повторить что их направляют в самое опасное и лишённое богов место во всех греческих морях? Нет, не произнеся больше ни слова он лишь кивнул, одним из пальцев указав на свои уши.

Это было всем подтверждением, которое нужно было его другу прежде чем он тяжело вздохнул, оставаясь в молчании до самого момента как передал ему кусок хлеба и даже после.

Медленно он мог слышать, как новость распространялась среди других. Тяжелые вздохи и дрожащий голос, немного больше волнение. Это был максимум того что они могли себе поз-

волить если не хотели наказания. Они все понимали, что предстоящие недели и месяцы будут самыми опасными в их опыте, что угроза их жизням висит прямо над ними. Никто не знал, как справиться с этим, как пережить это, но Орайон мог думать лишь об одном. Единственное что может помочь ему в этом это внимательность, настороженность, упрямство и... и немного удачи.

Глава 3: Сквозь шторм и невзгоды

Орайон ожидал, почти что знал из всех собранных слухов, того, что попадание на Архипелаг будет сложным. Но даже он не думал, что их должно было встретить те напасти, которые поразили, еще до того, как они доберутся до его границ. С самого отплытия, казалось, сама природа и море были против их корабля. Все началось с нескольких дней скитаний в поисках малейшего ориентира пока море заволокло туманом. Это наслало не только сырость, но и холодные ночи, что привело к болезням разной степени более чем у 20 рабов и у 3 моряков. Зимы в Крите не были очень холодными, но даже так, всего через месяц после окончания одной из них, отправиться так далеко было очевидным риском.

Всё это замедлило дальнейшее продвижение даже когда туман рассеялся. Совершенно другим и более ужасающим было обнаружение того, что из-за неправильной герметизации бочек с едой половина хлеба и сухарей размочились, ускорив на них образование плесени. Это ухудшило положение всей команды. Того, кто был ответственен за это очень сильно наказали, почти сбросив с корабля и относились к нему почти так же как к рабу.

Но даже так больше всего от этого пострадали сами рабы. В первую очередь потому что именно хлеб был их основным рационом. Пораженная еда, которую не выбрасывали, а скармливали им, привела к новым болезням, большая часть из которых была лихорадками из-за отравлений и расстройств желудка. Более того, раздражение и стресс состава команды из-за этой оплошности вывалились для них в виде избиений от тех, кто решил сделать это их способом снять стресс и тревоги.

К сожалению, если болезни от тумана смогли все же как-то миновать и Орайона и Фокла, то плесень затронула их обоих, в особенности второго. Орайон чувствовал невероятное облегчение, что это ограничилось лишь болями в желудке и дополнительными синяками. Но это было ничего по сравнению с состоянием его друга.

Фокл лег в лихорадке из-за многочисленных побоев и некачественной еды, настолько серьезной, что он не мог даже подняться на ноги. После нескольких попыток поднять его и болезненных ударов по еле сознательному телу в попытках проверить не симулирует ли раб чтобы избежать работы, охранник просто умыл руки и оставил его на произвол судьбы, прошептав почти не слышно для кого либо, кроме Орайона, о том, что, видимо, совсем скоро все же выяснится кто выиграл в ставках на продолжительность жизни этого старика. На этом любая помощь от остальной команды была исключена. Они считали, что он должен быть благодарен что ему давали еду, даже если это была лишь половина его рациона, а точнее одна половинка хлебной буханки, все еще покрытая плесенью.

И разве не было удручающе видеть, как твой друг страдает? Каждый день, когда он не начинал его с легких поддразниваний и разговоров, Орайон чувствовал тяжесть на сердце. Он ни разу не видел лица этого человека, не знал абсолютно ничего о том, как он выглядит. Все что он имел это отрывистое описание от других рабов и моряков. И все же, он был самым близким к отцовской фигуре человеком в его жизни, а потому эта лихорадка, не спадающая как бы он ни старался, заставляла его ощущать себя беспомощным и жалеть, что он не смог хотя бы раз, хотя бы единожды суметь узнать, как выглядит человек, который разделял с ним его одиночество так долго. Это повергло его в частичную апатию, что вместе с некачественной пищей вызвало несколько пищевых отравлений, но, к счастью, не перешедших дальше боли в желудке.

За 5 лет это была не первая болезнь, нависшая над ними. Они оба болели, реже он сам. Но эта была другой, сильнее. Он испробовал все что мог чтобы помочь ему, будь то отбор лучших и не заплесневелых частей хлеба и отмачивания их в воде, чтобы он мог их съесть,

или же то как он отдавал свое покрывало, его единственную защиту от холода, ему, в надежде что это наконец станет тем, что вернет его дыханию спокойствие и умиротворение.

Но проходили дни и в то время как некоторые вставали и возвращались к работе, не имея другого выбора, Фокл продолжал спать, ворочаясь от боли и, кажется, судя по некоторым бормотаниям, испытывая лихорадку, достаточно сильную чтобы вызывать у него галлюцинации. Часто Орайон просыпался, сумев услышать легкий шепот, доносившийся от него и зовущий тех, кого он когда-то знал, извиняясь за свои ошибки или встречаясь с ними как со старыми друзьями.

Через 11 дней после начала плавания лихорадка забрала жизнь первого раба, чье тело вскоре было выброшенным в море, а Зак стал вслушиваться в каждый вдох Фокла с придыханием, надеясь, хотя бы на секунду, что оно не остановится сегодня и что тот не испытает той же участи.

Так проходил каждый его день. С момента отплытия прошло уже 2 недели и несмотря на неприятности он мог сказать, что они подплывают, судя по ветру, сумевшему забраться даже так глубоко в трюм.

Если он правильно понял даты из разговоров моряков, то до весеннего солнцестояния оставался еще день. Из-за невозможности даже попытаться пробраться туда до этого времени, еще до наступления ночи, раздался сигнал остановиться. Он слышал разговоры о как минимум еще 4 лодках, уже ждущих их в этом месте, все принадлежащие воинам и исследователям, отправившимся сюда за деньги Крита. Их корабль должны были проплыть после них, как самый медленный из кораблей, больше ответственный за груз чем за скорость. Обычно так не делалось, все же такой вещи нужна была защита, но сочетание непредсказуемости течений и штормов создавало угрозу того что корабль врежется в один из других кто попытается пройти за ним.

Именно все это стало причиной дать рабам дополнительное время отдыха. Их направили обратно в камеры всего спустя половину дня работы, где Орайон почти сразу же направился к телу в углу, лежащему там же где он его оставил.

- Сегодня вы получите богатый ужин! У вас будет много работы завтра... - Солдат, сказавший это, казалось не совсем хотел это делать, что неудивительно, ведь, учитывая количество голодных ртов среди рабов, увеличенный рацион означает большую трату запасов.

Но на сегодня он отбросил эти мысли, лишь отдаленно переварив эту информацию прежде чем добраться до места своего назначения и сесть, посмотрев в сторону тяжелого дыхания. Он положил одну из рук на ладонь мужчины, желая почувствовать его пульс и давая ему знак что он здесь.

- Кха, это ты... сопляк? – Поняв, что у него теперь есть компания Фокл почти сразу же, хоть и с трудом проговорил это через хриплое горло прежде чем замолчать, тяжело дыша.

- Кто еще будет так заботиться о тебе, старая рухлядь? – Схватив миску с водой он поднес ее к губам старика, давая ему глотнуть того, что, он надеялся, даст ему дополнительную силу.

Он с жадностью присосался к ней, но почти тут же закашлялся, расплескивая часть из нее прежде чем вновь упасть, немного затрясшись.

Между ними повисла тишина, во время которой один всеми силами пытался справиться с болезнью, а второй не мог найти в себе силы сказать хоть что-то.

- Я... Я плохо выгляжу?

Орайон посмотрел в сторону голоса с усмешкой, слишком кривой чтобы действительно выражать веселые эмоции.

- Если ты спрашиваешь того, кому не дают видеть, как ты выглядишь то тебе явно плохо. – Он был рад сказать, что его комментарий вызвал хрип, напоминающий его старый смех и легкое веселье в страдающем от боли голосе.

- Хах! Прямо в сердце, но действительно в цель... - еще один хриплый смешок сорвался с его губ прежде чем он вновь замолчал. Орайон вслушивался в то как его дыхание немного замедлялось, вместе с сердцебиением, пульс которого он мог почувствовать через его руку. Он надеялся, что это значит лишь то что лихорадка отступает, но ни на секунду не верил в это, что было еще страшнее для него.

Давно уже его не пробиало такое чувство беспомощности, неспособности самому решать свою судьбу... Но сейчас, сейчас он понял новые границы того насколько бесполезным и слабым человек мог себя чувствовать. Он мог лишь думать о том на что он готов был пойти чтобы помочь ему если бы мог, человеку, который был добр к нему, который помог ему пройти через несколько лихорадок в свое время и разделял с ним трапезу и разговор уже более чем 3 года.

Он чувствовал что-то монументальное в этот моменте, странное ощущение того что этот разговор был последним, который он вел с ним в этой жизни. Возможно, Фокл чувствовал то же самое, так как неожиданно к нему вернулась часть сил и его голос зазвучал немного более уверенно, когда он заговорил.

- Знаешь... Я всегда говорил, что мог точно сказать кому суждено, а кому нет стать свободным... - Он заговорил неожиданно, вырвав его из раздумий и заставив вслушаться в тон, чуть громче шёпота. – Но это не совсем правда. Я мог точно сказать кому это не суждено... С теми, у кого был шанс было сложнее.

Он замолчал на мгновение, но его голос стал еще немного более твердым за это время.

- Это приходит с достаточной наблюдательностью и временем в качестве раба... Возьмем в пример случайного парня. Полный духа и не сломленный, только ставший рабом... Я следил как скоро и как быстро он начал бы падать в пучину подчинения... Это был первый признак того, способен ли человек найти путь наружу, готов ли он не просто смириться с его новой участью, а пытаться бороться за того себя который когда-то был свободен.

Он на секунду замолчал, прежде чем продолжил.

- Затем я проверял его характер и причину по которой он стал рабом, это часто помогает. Те, кто попал в эту судьбу из-за злодеяний или долгов редко становятся свободными, если только не переосмыслят свои поступки... И даже тогда часто могут посчитать что заслужили эту участь как кару, от чего не имели даже желания свободы. Чертово самобичевание... - Фокл говорил это грустно, будто вспоминал кого то, что скорее всего так и было, судя по словам, наполненным кислым вкусом которые он сказал дальше. –Хотя они могут совершить что-то еще более гнусное чтобы выбраться. Мерзкие ублюдки, помню пару таких...

- Так или иначе, с другой стороны от тех, кто стал рабами из-за преступлений, те кто были проданы, получив эту участь в результате завоеваний, несправедливости или были рождены рабами имели больше шансов. И этот шанс был все выше чем сильнее они были готовы бороться за него, используя сильные стороны, будь то стратегия, экзотичность или что-либо еще.

- К чему ты все это? Мне кажется ты уже говорил это, и не раз. Про освобождения и что я должен иметь надежду и удачу. – Он не был уверен, что хотел потратить эти мгновения, когда его друг был в сознании на то чтобы просто поболтать, о чем то, о чем он думал, что уже говорил с ним бесчисленные разы. Почему снова сейчас? Разве пока у него была эта сила нельзя было погрузиться в общие воспоминания и хорошие истории?

Но Фокл не был согласен.

- Не перебивай меня! – Слегка приподняв голову Фокл зарычал намного более злым и недовольным голосом чем позволяла бы ему лихорадка. Но такое действие потребовало много его сил, а потому вскоре он вновь лег на предоставленное место бтон резко перевел дыхание прежде чем опуститься обратно на подушки мужчина замолчал, переводя дыхание прежде чем продолжить.

- Ты прав, я говорил множество раз что ты справишься... Но говорил ли я когда-либо все причины, по которым я считаю, что у тебя есть шанс? Почему я вообще так часто говорю тебе это? – Орайон должен был признать, что тот прав, а потому он покачал головой, вслушиваясь в каждое слово.

- Потому что в тебе есть что-то... Уникальное. Ты был странным малым. Не отрицай это. – Увидев уже готового возмутиться парня он быстро перебил его, ухмыляясь при виде того как этот юноша, смелый и стойкий, отступает под его тоном. Но все же, Фокл отводил взгляд, продолжая говорить.

- Тебя предали, продали, ты прожил рабом с детства и до взрослого возраста, ты не знал настоящей свободы даже десяти лет прежде чем тебя постигла такая участь... По всем признакам и моему опыту ты должен был быть сломлен, лишь безвредной, вяло шагающей фигурой, готовой подчиниться всему и лишь ожидая своей смерти, погибели от болезни или...

- Так, ладно, мысль понятно... Фокл, к чему ты клонишь? - Орайон не мог скрыть раздражения на мужчину, описывающего образ его молодого «я» так грубо.

- Ой, как будто я не прав. Вспомни Гара! Он стал рабом на 2 года позже тебя по времени и уже спустя 5-6 лет не мог нормально вспомнить как жить свободным. А ты почти вдвое дольше был и все еще боролся, даже когда первый был рабом на ферме, а ты в шахтах. И не отрицай! Это ты сказал это, не я! - Он вздохнул, вновь вернувшись к более тихому тону. – Но ладно. Все равно это не самое главное. Главное то, что ты был аномалией. Выходящим за все признаки моих обычных наблюдений. Да, ограничения твоего зрения было ужасным, хотя я все еще не знаю почему они это сделали, любитель хранить свои секреты. Факт в том, что это было ужасно и все же ты имел хоть и затухающий, но запал. И да, твоя жизнь как раба в некоторой степени была даже хуже тех, кто провел в этой роли дольше тебя. Но сломило ли это тебя? Черт возьми нет! – Восторженный голос с которым он это говорил вызвал мгновенно сразу две вещи: шипение от ближайших рабов и сильный, сухой кашель Фокла, который, казалось, высасывал остатки той энергии, которую он смог набрать чтобы сказать все это.

- Ты был невероятен парень... Я совершил глупость и в порыве гнева убил человека. Он заслужил это, поверь мне, заслужил. И я имел полное право отомстить ему. Но я не подумал, сделав это публично вместо того чтобы оказаться после этого безнаказанным... К тому же я потерял чувство ценности жизни после того инцидента и потому меня не волновала моя смерть и ее причина... Когда я стал рабом я знал, что это будет мой пожизненный приговор... По моим собственным наблюдениям, если бы кто-то увидел бы меня тогда, он бы сказал точно то же самое...

Он погрузился в себя, снова явно испытывая эмоции и воспоминания, отклоняясь от темы.

- Возможно именно в этом причина того что я мог так хорошо различать людей... Я с самого начала был без запала, а потому, смотря на остальных, мог увидеть их свет и его интенсивность, не засвеченные моим собственным. Как человек, стоящий во тьме и потому видящий свет намного лучше, в контрасте... - Его голос становился отдаленным и менее похожим на его, заставляя Орайона сдерживать гнетущее чувство в груди.

- Твой запал горел ярко, почти сразу это было видно. Несмотря на то, что он почти погас он был ярче чем у многих... Я не хотел, чтобы он погас, не желал этого. Я кормил его малыми поленьями, вызывал в тебе надежды и желания, напоминал о всем том что ты мог бы испытать, став свободным. Я питался твоим огнем, найдя новое желание в своем сердце, возможность стать частью жизни человека, который будучи тем, от кого ожидали подчинения, имел дух того, кому предрешено подчинять. Хах... Хорошо сказал, запомни это. Я такое уже, наверное, не повторю.

- Я сделаю это... - Голос Орайона казался надломленным, но старик этого не заметил.

- Если не считать твоего духа, то твой ум... Черт возьми, сколько раз он меня удивлял. Неожидаемые вещи, которые ты умудрялся творить в своей голове, занимая себя без возможности увидеть дневной свет... Я никогда не был так уверен, что кто-то получит освобождение. Ты не был создан чтобы кому-то подчиняться... Нет... Это просто не сходилось.

- Я могу с гордостью сказать, что я стал причиной, по которой твое пламя загорелось еще ярче, что я даровал тебе еще запала, который мог бы гореть и давать тебе сил... Но сейчас... Ты ведь чувствуешь это, не так ли? Мне ведь здесь не долго... - Его тон закончился тишиной, звуком, заполнившим всю комнату. Орайон знал, что он был не единственным кто слушал их речь, но даже и так он думал, что они оставят их в покое. Судя по молчанию, нет.

- Да... Твое сердце все чаще еле слышно... Я... Я не уверен, что ты доживешь до того, как мы доберемся до архипелага...

-... Хорошо, это хорошо... - Орайон не знал какой реакции он ждал от Фокла на это, но точно не облегченного вздоха от старика, цепляющего за жизнь из злобы и упрямства. Он смотрел на него с недоумением, не видя его как такового, но волшебным образом ощущая, что тот смотрел на него в ответ.

- Ты не должен ограничивать себя из-за этого старика. Меня ждет царство Аида, будь то Асфodelивы поля, поля Элизиума или Тартар... Но ты, я верю, что у тебя есть шанс там. Я был здоровым как бык последние 5 лет, как минимум для своего возраста и предмета занятости, но именно сейчас, когда на пути большое испытание с, возможно, большими наградами, я теряю силы? Если это не судьба, то я не знаю, что.

- Я питал твой огонь надеждой и верой в тебя. Но вместе с тем я обложил его камнями в виде себя самого чтобы я мог это сделать... Я умру, а твое пламя потеряет ограничения, вновь загорится и получит потенциал солнца!

Резко дернув руку и схватив Орайона за запястье, мужчина посмотрел прямо на него, от чего Орайон чувствовал, как тот разглядывает его душу, мгновенно сменив тон с полного радостного предчувствия на серьезный. И хотя он мог лишь ощущать его ладонь он знал, что его взгляд направлен на него.

- Я хочу, чтобы ты дал мне одно обещание, всего одно. Сделаешь это как мой подарок на смерть? - Он не мог не сглотнуть, кивнув и ожидая ответа.

- Не переставай идти и бороться. Верь в свои убеждения и принципы... а когда ты наконец станешь свободным и великим... Построй мне памятник с парочкой крутых фраз и расскажи, что за безумие ты натворил. Ты обещаешь мне это? Обещаешь, что твой огонь останется таким же ярким если не ярче?

Орайон не знал, что сказать. Он не мог вымолвить ни слова, но его друг ждал, а потому он кивнул, серьезно, с убежденностью и верой, если не в себя, то в человека, который был готов поверить в него.

- Клянусь своими глазами... - Лишь несколько раз он давал это обещание, обещание поставить самое дорогое что у него было с эмоциональной точки зрения: пообещать то что возможно, когда-нибудь, дало бы ему возможность наконец увидеть мир, так давно ставший полностью черным.

И Фокл принял это, кивнув и откинувшись обратно на спину, лишь шепча из раза в раз одно единственное слово, пока не уснул еще одним, беспокойным сном.

- Хорошо... хорошо... хорошо...

*

Фокл не дожидаясь рассвета. Проснувшись после долгой ночи без лихорадочных бормотаний и выкриков мужчины он в старой привычке попытался прислушаться к его дыханию, слыша в ответ лишь тишину.

Он не паниковал, не пытался судорожно ощупать пульс. Что-то в том разговоре, который они вели вчера, подсказывало ему что Фокл тогда уже знал о своей кончине, тратя последние силы на это сопутствие для него. Но впервые за многие годы, с момента того как его в очередной раз наказали за рыдания его первый рабовладелец, он почувствовал, как бинты под глазами намокают пока он в молчании, оплакивал своего друга.

Но ничего так и не изменилось. Ему не дали много времени на горе. Люди пришли с простыми пайками хлеба, выданными, что необычно, до спуска к веслам. Это, в дополнении к вчерашней порции рыбной похлебки, было почти достаточным чтобы почувствовать чуждое ощущение сытости. Это радовало, но и настораживало. Если им дают столько еды, то потребуют не меньше работы. И он не знал, что могло бы стоить таких порций. Впрочем, зная место их назначения, это могло быть все что угодно.

Он почти бессознательно делал то же самое что и каждое утро, спускаясь к веслам и схватившись за них, на мгновение задумавшись о том, когда же раздастся остроумная шутка, призванная вырвать его из плена собственных мыслей... Но разве он не знал лучше? Он не слышал их уже много дней. К сожалению, с осознанием этого так же пришло и то что теперь он не услышит их и после тяжелого дня.

Из раздумий его вырвал голос, разнесшийся по всей нижней палубе во всей силе.

- Слушайте сюда! – Крикнув и привлекая к себе внимание всех, солдат заговорил. – Вчера вечером мы остановились на краю объединённых течений! Уже через четверть часа вам будет отдан приказ войти в эти воды! Они хаотичны и непостоянны, часто меняющиеся с частотой течения мысли Тютхе! – Мужчина, кем бы он ни был, казалось испытывал какое-то благоговение к такой силе разрушения, созданной самой природой, но быстро вернул себе серьезное выражение лица, говоря яростно и не терпя возражения.

- Корабль будет вертеть из стороны в сторону неизвестное количество времени! Из одного водоворота в другой! Вы должны внимательно следить за командами надзирателя чтобы менять курс с максимальной скоростью чтобы избежать того чтобы мы разбились о волны...

- А если вы посмеете отлынивать! – По звуку скользящей стали Орайон мог сказать, что тот достал свой клинок. – Если вы это сделаете, и мы все равно выживем... То я лично вынесу предложение о том, чтобы казнить каждого из вас!

Дав этим словам уложиться, он отдал несколько тихих приказов морякам, которым было поручено присматривать за ними, прежде чем звук его удаляющихся шагов окончательно стих. Каждый раб погрузился в глубокую тишину. Они могли понять серьезность ситуации, наблюдая напряженность в позах солдат, сравнимую лишь с большой облавой на пиратские флота. Это будет серьезная битва за выживание, даже если она будет более безопасной чем если бы они пытались сделать это в любой другой день года кроме весеннего солнцестояния.

Они не имели смелости что-либо сказать, общаясь лишь взглядом и легкими жестами. Орайон не мог не почувствовать себя еще более отчужденным из-за этого. Он не видел взглядов. Не знал знаков для общения. Лишь звуковые, те, которые никто бы не использовал сейчас. Он не мог не подумать о Фокле. Если бы он был здесь его рука лежала бы на его плече, слегка постукивая в их придуманном языке молчаливых разговоров

Но его здесь не было. И он должен был смириться, забыть и отбросить его. Он, как и многие вокруг, обратились в себя, желая почувствовать сытость желудка, силу в слегка отдохнувших мышцах. Они медленно погружались в тишину ожидая сигнала. Орайон услышал его первым. Звук рога, раздававшийся с верхней палубы.

Сразу за ним раздался первый удар барабана. Медленный, но все нарастающий. Привычная рутина, подталкивающая его почти на интуитивном уровне. Вскоре он думал лишь о движениях своих рук, толкающих в симметрии с остальными весло. Он прислушивался к ощущениям сопротивления, возникающего из-за морских волн, вспоминая давно видимые картины

океана и прибрежных пейзажей, описание которых время от времени делал Фокл для его развлечения.

Новая неприятная мысль почти заставила его дрогнуть, но вместе с этим заставила вспомнить недавний разговор, в шуме волн имевший какое-то странное, потустороннее очарование. «Не переставай идти и бороться»

Незаметно для него звук барабанов стал яростнее и четче, предупреждая о том, что они входят в опасные воды, но это лишь разожгло его мысли. Он заметил, как его весло дернулось от резко сменившихся течений, но долгий опыт и странный огонь в груди помог ему удержать его. Он подстраивался под удары барабана с невиданной эффективностью, пока его движения становились четче. Где-то в его сознании он начал понимать, что погружается в себя, в то состояние в которое он убегал чтобы избежать той болезненной рутины раба до встречи со своим немолодым другом. Но сейчас дело было не в бегстве. Все его чувства подсказывали ему что он должен был это сделать. Слившись со звуками и ощущая все пространство вокруг резко обострившимися чувствами, он словно сливался с кораблем. Скрип досок смешивался с ударами барабана. Звуки штормовых течений, сплетенных в замысловатые переплетения и водовороты, разносились в виде эхо, обволакивая его тело, словно невидимый груз. И все же это не было неприятным. Каждый звук, каждое ощущение и запах, все это сливалось в неизведанную синхронию, подталкивающую его вперед.

Казалось прошла вечность пока он был в этом состоянии, каждое его действие было выполнено механически, следуя течениям и звукам. Но к тому моменту как величественные потоки немного успокоились к неизвестной песне в его голове добавился запах дождя и грозы вместе со звуками далекого, но приближающегося грома.

Вся атмосфера на корабле и пространстве, казалось, накалялась. Главное препятствие перед входом в моря архипелага. Ощущения того как его руки стонут от напряжения, возросшего из-за бурлящих ветров, толкающих их обратно в переплетения водоворотов, а также из-за уменьшившегося числа тех, кто держал весла. Не все были готовы к резким изменениям и смогли сохранить их не расколотыми или вырванными из рук морем. Дополнительная энергия, необходимая ему, буквально наполняла его, заставляя выталкивать те резервы, накопленные им от лишней еды вчера вечером. Сейчас наставление о том, что он должен продолжать идти казалось действительно пророческими. Впрочем, может в этом и суть? Может в момент смерти человеку раскрывается часть будущего. Кто знает...

Резкий звук грома, раздавшийся одновременно с неожиданным, резким звуком расплескивающейся воды, всего в нескольких метрах от него, за кораблем, указал на то что молния ударила совсем недалеко. Он не знал, но был уверен, что та способна уничтожить их если бы попала. Ее запах, запах силы и дикой, необузданной энергии, заставил его почувствовать гнев на собственную беспомощность, от чего он вновь толкнул, понимая, что испуг вывел из равновесия несколько других рабов, судя по тому как все вздрогнули.

Проходили часы пока он истощал себя, переходя из одного наклона корабля в другой. Но он чувствовал, что они близко. Штормы и ветра вокруг были словно гибкая древесина, которая все сильнее натягивалась, давя на них и пытаясь выбросить в бушующие воды. И это работало. Но их усилий хватало, и он чувствовал, что в любой момент древесина наконец не сможет больше прогибаться и расколется с треском.

Все больше людей выдыхались и не могли больше продолжать. Некоторые из моряков, из-за необходимости, заменяли их, но не привыкшие к работе и синхронности не сразу вписывались в коллектив. А в это время та неизвестная сила, скрывающая от всеобщего взора остров, наконец, казалось, дала первую трещину, которую смогли ощутить все.

Это было словно волна, теплая энергия, пропитывающая влажную и холодную атмосферу корабля. Противоестественное чувство, не помешавшее другим ощутить не нервность и страх, а благоговение.

И отвечая этому изменению весла стали легче вклиниваться в воду, не толкаясь волнами назад, а прорезая их. Далекие завывания ветров от шторма, почти оглушающие всех последние, долгие часы, удалялись, открывая звуки людей. Кто-то вздыхал с облегчением, другие благодарили богов.

Но он... он оставался в молчании, в том ощущение надвигающегося... чего-то. Корабль трещал от пережитого напряжения, держась и не собираясь разваливаться в ближайшее время, но все же явно пострадавший. Моря затихли и ужасающие волны сменились лишь спокойными течениями, несущими и будто бы подхватывающими корабль дальше, вперед.

«ЗЕМЛЯ!» - Выкрик с главной палубы, донесшийся даже до нижних, окончательно заставил всех радоваться. И все же, он не мог сделать того же. Этой ночью он потерял друга. Этим утром он пережил то что могло бы стать его смертью...

Это вызвало его гнев. Там, где раздавались крики благодарности богам он не мог не чувствовать ярости. Где были боги в самые ужасающие моменты его жизни? В моменты страданий и боли?

Он видел изображения богов, смотрел на примеры их даров, магию и силу, даруемую ими их последователям. И все же, в тот момент он проклинал их существование, их силу и то на что они могли обрекать такие души как его, не вмешиваясь и не совершая справедливый суд, а лишь пуская все на выгодный для них самосуд.

Фокл почитал богов. Это стало причиной почему он не рассказал ему о своих глазах. Он боялся, что тот тоже посчитает это проклятием или благословением, посланным ими. Он не хотел, чтобы это было ни первое ни второе.

И все же, в момент смерти рядом с ним был только он сам и слепой друг. Орайон до рабства почитал и даже поклонялся богам, но они оставили его на растерзания тех, кого он называл семьей.

Эти мысли поглощали все светлое что он мог чувствовать к ним. Как шторм, через который он прошел, его ярость непрерывно обрушивалась на все в его сознании что было связано с самим их существованием. И молитвы Зевсу и Посейдону, доносившиеся вокруг, заменялись в его голове проклятиями.

Они кричали «Пусть боги благословят нас». Его мысли проклинали их: «Пусть погубят они их души и отправятся в Тартар вместе со своими богами.»

«Слава благословиению Посейдона» – «Да расколется трезубец его на ошметки, а собственная сила разорвет его с общей силой всех, кто умирал из-за насланных им течений.»

«Да прибудет с нами сила Ареса» – «Уничтожение и боль да снизойдут на того, кто несет разрушение и смерти другим, на варвара, зовущего себя богом.»

Каждый бог в его сознании умирал и проклинал, а те, кто до недавнего времени почитались им больше остальных забывались и оставались лишь с пренебрежением.

В этот момент он не мог не думать о том, что, если бы в нем была сила, он заставил бы всех моряков и многих рабов, желавших использовать слепца для собственного самоутверждения, испытать мучения Подземного, божественного и Земного миров.

Его ярость погружала его еще глубже, распространяла его ощущения, до этого охватывающие лишь корабль, дальше, охватывая волны, прорезаемые кораблем.

От того тихое отличии, где-то в глубине, едва касающееся корабля, заставило его замечать, отбросив многие мысли из его головы и ненависть, в которую он погружался.

Одно, за ним еще и еще. Множество небольших вибраций, проходящих через воду по доскам. Это могло быть всем чем угодно, большими рыбами, монстром, стайей рыбок... Но он чувствовал, что это не так.

И тихое, почти неуловимое пение доказало это. Десятки голосов, сплетенных в единую мелодию, издавали чарующую, никому не известную песню, несущую на себе желание приблизиться, встретиться и посмотреть на ее источник.

Словно неизвестная ловушка, приманка, цветок, вкуснейший кусок мяса. Это было всем этим и даже больше, всем перечисленным, спрессованным и переданным через ноты.

Орайон с трудом мог понять, что происходит. Он не мог понять и резких звуков множества шагов. Он находился в густом тумане. В тумане, покрывшим его мысли и чувства. Все что он мог это ощущать желание. Желание идти, найти источник пения, понять его. И все же, чем дольше он сидел, чем больше шагов слышал, тем скорее туман становился менее густым.

Это возвращало ему способность мыслить, понимать... Рационализировать мелькающие идеи и чувства. Он делал это снова и снова, на инстинктах, руководствуясь лишь попыткой понять происходящее...

Пока от одной проскользнувшей мысли он не побледнел, чувствуя волну страха. И все же, неожиданный ужас помог уму, позволив наконец полностью оказаться вне влияния завораживающих голосов.

Женских голосов.

Голосов, принадлежащих опасностям путников, защитникам пучин

Голоса были женские.

Голоса использовали пение...

И они принадлежали Сиренам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.